

НАТАЛЯ ПАВЛИЩЕВА

БОГИ ЕГИПТА

Супер-премьеры кино и ТВ

Наталья Павлищева

Боги Египта

«Яуза»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Павлищева Н. П.

Боги Египта / Н. П. Павлищева — «Яуза», 2016 — (Супер-премьеры кино и ТВ)

К премьере фильма «БОГИ ЕГИПТА» – главного голливудского блокбастера этой весны! Бог тьмы Сет идет войной на светлых богов. Грандиозная битва Бессмертных грозит стереть Древний Египет с лица земли. Пересыхает Нил, благодатные земли обращаются в выжженную пустыню, песок заносит храмы, дворцы, города. И человеческая жизнь – лишь пылинка в этой колоссальной буре... Но богам еще придется осознать, что люди никогда не смирятся с участью бессловесных рабов. Что главное поле битвы – не на земле и небесах, а в человеческом сердце. Что ради любви женщина готова спуститься даже в загробный мир Дуат, а мужчина – бросить вызов бессмертным богам!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Павлищева Н. П., 2016
© Яуза, 2016

Содержание

Вступление	6
Глава 1	7
Глава 2	20
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Наталья Павловна Павлищева

Боги Египта

© Павлищева Н.П., 2016

© ООО «Яуза-пресс», 2016

* * *

Вступление

Это были времена, когда боги еще жили среди людей в человеческом облике. Лишь иногда они являли себя огромными – в три человеческих роста, а то и больше, такими, как подле храмов Египта.

Да и сам Египет был совсем другим.

Он простирался от океана на западе до земель за Нилом-Хапи на востоке, от синего моря на севере до непроходимых лесов на юге. Не было песков, от края до края зеленела саванна, журчала вода многочисленных рек, перелески позволяли жить животным и птицам, в озерах плескалась рыба, на лугах паслись тучные стада, а в полях зрел урожай.

Бог Осирис научил людей пасти скот и обрабатывать землю, плавить металл и строить, дал многочисленные знания жрецам, знания, которые позволяли поднимать огромные каменные блоки на любую высоту одним заклинанием... Научил многому.

Но потом был убит и расчленен на сорок частей собственным братом – богом тьмы, войны и хаоса, богом пустыни Сетом. Жена Осириса Изида сумела собрать части своего супруга и даже родила от него сына – бога света и власти Гора, но Осирис предпочел удалиться в загробный мир и стал править там.

А Верхний Египет от первых порогов до самого Мемфиса достался Сету.

Повзрослевший Гор по просьбе матери попытался вернуть трон отца, хотя его самого больше влекло в Дуат – загробный мир Осириса.

Сражения между дядей и племянником заканчивались не в пользу Гора, он даже потерял правый глаз, который стал Оком Гора. А Сет принялся заносить Египет песком. Цветущая земля на глазах превращалась в пустыню. За восемьдесят лет противостояния богов выросли поколения египтян, которые не помнили нынешнюю пустыню зеленой, жизнь давно сосредоточилась в оазисах и, конечно, на берегах Нила.

Теперь Сет правил большей частью долины Нила, под его властью были земли Нубии и Верхнего Египта – 22 больших и сильных нома. Гору принадлежала Дельта, с востока теснимая пришельцами из Азии, тоже поклонявшимися Сету. Казалось, еще немного, и весь Нил окажется подчинен богу тьмы.

Сам он предпочитал Негаду, Нехен или вообще свои владения на востоке за ущельем Джаути, за которое не пускали никого чужого.

Предстояла решающая схватка Гора и Сета, от которой зависело, каким быть Египту.

Глава 1

Египтяне странный народ, они используют лошадей, запрягая в колесницы, но не ездят верхом, и не умеют плавать, даже живя на берегах больших рек. Вернее, река осталась одна – Нил, остальные пересохли и занесены песком, но даже на Ниле ни один египтянин не войдет в воду дальше чем по колено, предпочитая передвигаться по воде в лодках. Даже самая утлая и ненадежная лодчонка для него предпочтительней собственных рук и ног.

Объясняют это тем, что в воде не видно, кто там внизу, мол, в любое мгновение подводное чудовище может схватить за ногу и утащить. Справедливо, крокодилов много, но если умеешь разговаривать с ними, то не страшно. А тушу бегемотихи трудно не заметить.

Менес тоже опасался плавать, предпочитая обливаться водой на берегу. Он очень любил эту утреннюю процедуру, когда еще не жарко, и вода испарялась с кожи медленно, можно почувствовать ее живительную силу.

День обещал быть жарким, потому скульптор появился на берегу Нила с рассветом. Произнес нужные слова, предупреждая крокодилов, что его трогать нельзя, набрал две больших бадьи воды и принялся с удовольствием обливаться.

В одной оказалась довольно крупная рыбина, выловив добычу, Менес бросил ее старому крокодилу, внимательно наблюдавшему за человеком. Кладули зубы, и рыбы как не бывало. Захлопнув пасть, крокодил продолжил невозмутимо взирать на скульптора. Менес знал, что рептилия его не тронет, каждое утро животное получало зазевавшуюся рыбу или нарочно принесенного цыпленка. Заговор заговором, но Менес предпочитал подкармливать ветерана этих мест, лучше дарить ему цыпленка и спокойно набирать воду, чем опасливо оглядываться.

Когда он возвращался в свою мастерскую, в крошечной комнатке которой жил, солнце уже поднялось над Нилом на половину своего диска. Настроение было прекрасным, нет нормальных людей, которые не радовались бы появлению Небесной колесницы после черноты ночи. Ра в небе означает, что жизнь продолжается.

Город на берегу Нила только назывался Городом Мертвых, в нем жили те, кто помогал умершим переселиться в Дуат – загробный мир Осириса, снабжал всем необходимым и устраивал погребение.

Делали это обычные живые люди, а живым нужно кушать, им нужны масла и парики, сандалии и набедренные повязки схенти, мебель и сладости, пиво и плоски для еды... да мало ли что нужно живому человеку.

А потому центром Города Мертвых был Рынок.

Оживал рынок с первыми лучами солнца и затихал к середине дня, когда становилось слишком жарко и все живое норовило спрятаться в тень.

Скульптор Менес спешил за покупкой, поскольку ему требовался незамысловатый сосуд для воды взамен разбитого накануне. Можно бы вылепить и обжечь самому, но Менес предпочитал оставить такую работу гончарам – каждый должен делать то, что у него получается лучше всего. У самого Менеса лучше выходили большие скульптуры, которые требовали много времени и сил, зато приносили много золота, а все необходимое для своей весьма скромной жизни Менес приобретал на рынке.

Он вообще старался дать работу многим. Не держал слуг, поскольку не нуждался в особом уходе и не имел большого дома, только мастерскую, полученную по наследству от его учителя. У Менеса не было повара или специального слуги для ухода за волосами, не было тех, кто умащивал бы его тело маслами или брил голову, никто не следил за схенти или ожерельями.

Менес просто не нуждался во всех этих услугах. Скульптор очень богат, поскольку имел много заказов, за которые щедро платили, но жил среди людей среднего достатка, так проще. Потому и привлекал соседского мальчишку для натирания маслом спины там, где сам достать не мог. Невелика работа, а для семьи мальчишки шетит не лишний.

Голову брил другой сосед, хорошо владевший бритвой. И ткань для схенти приобреталась на соседней улице, где потерявший ногу бывший ткач едва сводил концы с концами со своим многочисленным семейством. У Менеса лежала большая стопка схенти, которые он еще ни разу не надевал, но мастер каждый месяц исправно покупал новое, чтобы у семьи ткача было что кушать. Или мог прийти к ним и сокрушенно сообщить, что поддался на уговоры и купил большой куль зерна, которое у него непременно съедят мыши. Чтобы этого не случилось, зерно нужно забрать себе, а его угостить лепешками.

И глину для работы ему часто приносили мальчишки, получавшие взамен или шетиты, или мед и сладости.

При этом Менес не был очень общительным, подолгу отсутствовал, если работа оказывалась далеко от дома.

В съестных торговых рядах было многолюдно, но большинство посетителей лишь пожирали голодными глазами стопки ячменных лепешек, овечьи туши на крюках, связки птицы, глотали слюнки от умопомрачительного запаха печеных овощей и мяса, облизывались при виде больших сосудов с медом или пивом, не имея возможности все это купить. Беженцы... те, кого согнали с обжитых мест на западе наступающие пески, чьи дома засыпаны, пашни засохли, а скот погиб, у кого не было золота, чтобы прокормить своих детей, кто давно жил на подачки родственников с берегов Нила.

Скульптор слышал, что каждый день во время раздачи хлеба среди беженцев возникают потасовки, бывают даже раненые. И на берегу иногда не протолкнешься, и по улицам не пройдешь...

Смотреть на таких людей тяжело, но местные жители уже привыкли, поток обездоленных из-за наступления пустыни с запада рос с каждым днем, бедолаги брались за любую работу ради куска хлеба, воровали, а иногда и открыто грабили.

И никто не знал, как справиться с этой бедой. Единственная надежда – победа Гора над Сетом и восстановление прежнего Египта. Никто не представлял, как вернуть пустыне вид цветущей земли, но все ждали победы бога света над богом тьмы.

Правда, немало было и таких, кто предпочитал приносить дары Сету, надеясь, что он не тронет именно их поля, каналы, луга, стада и дома. Страх – сильный мотив, иногда даже сильнее надежды. Не лучше ли задобрить бога тьмы, чем воевать с ним?

Менес поморщился при виде толпы несчастных, их, конечно, жалко, но Город Мертвых не способен вместить и накормить всех. Само присутствие этих людей лишало жизнь гармонии, которая так необходима тому, кто создает красоту. Возможно, поэтому Менес предпочитал одиночество и редко бывал даже на рынке.

У продавца оливкового масла перевернули большой кувшин. Хитрецы постарались сделать это с тем, у которого горлышко уже распечатано. Масло полилось на землю, к ароматной лужице тут же метнулись несколько мальчишек-оборванцев, сбросили схенти, начали втапывать их в масло, чтобы впиталось.

Хозяин закричал, по голым телам и головам заходила толстая палка, которой обычно отгоняют собак и обезьян, мальчишки завопили, поднялась суматоха. Менес не выдержал, подошел, поинтересовался:

– Сколько стоит твой кувшин с маслом?

– Зачем тебе? – продавец был зол, как ветер из пустыни.

– Сколько?

Собравшиеся любопытные замерли, не понимая, к чему клонит скульптор.

– Две шетита!

Конечно, даже большой кувшин не стоил таких средств, но Менес согласно кивнул:

– Держи. – И повернулся к мальчишкам: – Забирайте кувшин и чтоб я вас больше здесь не видел.

Те сообразили раньше, чем продавец, исчезли, унося кувшин, один даже схенти обронил.

Бывший владелец наконец осознал, что мог бы получить и больше шетитов, заверещал:

– Это только масло стоит два шетита, а еще кувшин? Менес удивленно приподнял бровь:

– Я спросил, сколько стоит твой кувшин с маслом. Так? – он повернулся к зевакам, которые радостно согласились. Все понимали, что даже в этом случае скульптор переплатил.

Осознав, что больше ничего не получит, продавец махнул рукой и тут же бросился отгонять от своего товара воришек, воспользовавшихся невниманием. Менес, смеясь, отправился дальше.

Зачем-то купив горстку вымоченного в меду чеснока, хотя вовсе не был гурманом, он поспешил пройти остальные ряды с едой и углубился в царство гончаров. Многие расположили свои корзины с глиной тут же и лепили плоски и сосуды на глазах у возможных покупателей. Здесь можно купить не только посуду, но и занятные игрушки из обожженной глины, маленькие статуэтки, детские свистульки и прочую ерунду, на создание которой горазды подмастерья.

У крайнего в ряду продавца рослый мужчина рассматривал какую-то статуэтку, советуясь со своим спутником. Мужчина был заметно крупнее окружающих, что выдавало бессмертного – помощники нынешнего правителя Египта, вернее, того, что от Египта осталось, бога света Гора отличались ростом и статью. Сам Гор, как все боги, мог произвольно менять свой вид, но людям показывался только в маске Сокола. Зато его помощники ходили повсюду свободно.

Этот рослый явно из таких, как и его приятель. Рядом с ними разглядывала какую-то вещицу совсем юная девушка. Взгляд Менеса невольно отметил стройность ее фигурки, словно вышедшей из-под резца умелого мастера. Скульптор не мог не восхититься идеальными пропорциями.

Но тут же Менес увидел иное – девчонка ловко завладела сумкой, которую опрометчиво положил рядом с собой мужчина. Воровка! Мужчина был слишком увлечен беседой со своим спутником и с продавцом, чтобы заметить кражу, возможно, воровство и удалось бы, но девчонка, проверяя, не наблюдает ли за ней кто-то, встретила взглядом со скульптором.

На мгновение замерли оба. Менес мог крикнуть и тем самым погубить девушку, воровство в Городе Мертвых наказывалось жестоко, но он почему-то лишь сурово сдвинул брови. Воровка с досадой поджала губы и вернула сумку на место. Ее глаза стрельнули в сторону беседующих мужчин, Менес тоже перевел взгляд на хозяина спасенной собственности, а когда снова посмотрел на девушку, той уже не было на месте. Мужчина купил у торговца статуэтку, не глядя, положил ее в сумку, перекинул длинную ручку через плечо и повернулся, чтобы уйти. Скульптор увидел, что помешало мужчине заметить действия воровки – его глаз был закрыт. Красть у калеки! Хорошо, что это не удалось.

Настроение оказалось испорчено окончательно, даже забыв, зачем пришел, Менес поспешил обратно в свою мастерскую. Он мог бы радоваться, ведь не позволил обворовать калеку, но почему-то чувствовал себя соучастником. Не давало покоя видение девчонки с сумкой, что-то во всем этом было не так.

На беженку она не похожа, наверняка из банды расхитителей гробниц, таким все равно, у кого воровать. И вдруг скульптор понял: он не уверен, что девчонка ничего не стащила из сумки. Конечно, он даже обвинить бы воровку не смог, но ощущение подлого обмана не отпускало.

За свою жизнь Менес не взял чужого зернышка, каждый кусок лепешки был им заработан. Он остался сиротой совсем маленьким, родителей помнил смутно. Был воспитан и обучен старым скульптором, которому таскал воду и глину, разводил огонь, подметал мастерскую и подносил инструменты. А заодно учился. Старый мастер передал свое умение юному Менесу и умер, оставив ему большую мастерскую, забитую незавершенными работами, и много золота, значения которому никогда не придавал, внушив подобное отношение к блестящему металлу и ученику. Менес был очень богат, но при виде скульптора это никому не пришло бы в голову, он вел себя как обычный горожанин и мастер средней руки.

А сейчас впервые столкнулся с откровенным воровством.

Попробуй Менес разобраться в том, что чувствует, понял бы, что досадует не столько на девчонку, ловкость которой его скорее восхитила, чем возмутила, а на самого себя. Ему не удавалось забыть красотку, а совесть не позволяла молчать о краже. И все же Менес знал, что не выдаст воровку.

Неизвестно, как он поступил бы, но в мастерской скульптора ждали необычные гости...

Менес был прав – девушка действительно успела вытащить кое-что из сумки одноглазого, пока скульптор разглядывал их с продавцом. Что это, она еще не поняла, но поспешила спрятать в свою сумку, висящую за спиной под прикрытием волны рыжих блестящих локонов, разметавшихся по спине до самых бедер. Египтянки предпочитали брить головы и надевать парики, но Незер, так звали девушку, нравились собственные рыжие локоны, и она умело пользовалась потрясением, которое испытывали мужчины, осознав, что на ее голове не парик. Это хорошо отвлекало от остального...

Даже ее имя – Незер – означало «пламя», что соответствовало и внешности юной красавицы, и ее бешеному темпераменту.

Ловкой, гибкой, ей удалось ускользнуть не только от прилавка гончара, но и вообще с рынка. Незер спешила спрятать свою добычу от чужих глаз, а уж потом решить, как именно с ней поступить.

Незаметно спрятать что-то ценное там, где даже передвигаться по улицам теперь приходилось, практически расталкивая людей плечами, трудно, но Незер знала, где и как это можно сделать. Однако сначала стоило посмотреть, что она украла, ведь сумка за спиной была горячей, заставляя временами ежиться.

Скользнув в свою каморку, девушка решительно опустила занавес из плотной, грубой ткани, придавила его камнем, чтобы не распахнули сразу, и скользнула за ложе. Быстро сдернула со спины сумку, вывалила на пол добычу и замерла. Такого она не держала в руках никогда, хотя золотых вещей, изящных и щедро усыпанных драгоценными камнями, повидала, несмотря на юный возраст, немало.

Это был анх – символ божественной власти, такими владеют только жрецы самого высокого порядка. Крест с кольцом выполнен с высочайшим мастерством и затейливо украшен драгоценными камнями. Где же тот, у кого она украла вещь, мог взять такой? Едва ли он жрец, значит, мастер, сделавший анх. Или... Незер усмехнулась, рослый мужчина мог быть просто таким же вором, что значительно облегчало ей душевные переживания.

Незер даже закусил губу, чтобы не присвистнуть и не выдать себя соседям, коих в Городе развелось слишком много. Одна такая добыча могла решить все ее проблемы, золота за нее можно получить столько, что хватит оплатить нужную информацию и выполнить задуманное. Теперь предстояло придумать, как и кому тайно продать добычу, не станешь же торговать удивительной вещью прямо на рынке.

Чуткое ухо уловило движение за занавешенным входом, Незер засунула анх в свою сумку и затолкала за ложе, где внизу была щель между ним и стеной. Кто-то попытался открыть занавес...

Рванув с себя коротенькое платье, девушка швырнула его на ложе и схватила другое. Едва она успела накинуть ткань на плечи, как между занавесом и стеной в комнату просунулась мордашка с блестящими глазами. Незер сердито фыркнула:

– Ты что, не видишь, что завешено?! Я переодеваюсь.

Египтяне вовсе не стеснялись наготы, тем более столь совершенной, как у девушки, но бывали минуты, когда чужие взоры вовсе не приветствовались. Мальчишка чуть смутился:

– Я... Сену приказал позвать тебя.

Девушка чуть нахмурилась:

– Когда?

– Сейчас.

– Хорошо, приду. Кыш отсюда!

Мальчишка исчез, а девушка присела на край своего ложа и задумалась.

Необычный день. Она с раннего утра нутром чувствовала, что он будет таковым. Этот одноглазый со своей сумкой... так удачно вышло украсть... красавчик, почему-то ее не выдавший... драгоценная добыча... Жизнь научила Незер, что, когда все хорошо, это опасно.

Теперь Сену... Главарь расхитителей гробниц был ей неприятен, хотя делал все, чтобы завоевать расположение невесты откуда взявшейся в Городе красоты. Незер привыкла пользоваться своей внешностью и умела увлекать мужчин, оставляя их в дураках. От мужчин ей нужно только золото, потому что в ее жизни был один-единственный представитель мужского населения Египта, ради которого Незер жила и готова на все.

И анх украла тоже ради него.

Видеть Сену совсем не хотелось, теперь, когда у Незер было золото, ей ни к чему отправляться в очередную гробницу, о чем она еще вчера просила главаря. Хотя... иметь анх не все равно что иметь золото, возможно, Сену и пригодится.

Незер перебрала свои немудреные украшения, усмехнулась. Совсем недавно этих украшений и куда роскошней у девушки было несметное количество, могла надевать самые дорогие и красивые, а вот теперь выбирает, когда и выбора нет – несколько дешевых браслетов и ожерелье. Достала сумку с анхом, осторожно вытащила, стараясь держаться спиной к входу и чутко прислушиваясь. Поковыряла камни, надеясь, что хоть один отвалится, но те держались крепко, вздохнула: может, удастся продать анх достаточно дорого и золото останется на собственные украшения? Но тут же оборвала сама себя: не для того рисковала, чтобы на побрякушки золото тратить, даже если останется, то пригодится на жизнь, мало ли куда еще придется бежать. Жизнь уже научила Незер не рассчитывать на хорошее впереди, но унывать она тоже не собиралась, ведомая ей одной известной целью и готовая совершить для достижения этой цели что угодно – ограбить, предать, убить, загрызть собственными зубами!

Сену и его банда и впрямь готовились к ночной вылазке. Местные стражи прекрасно знали и о существовании расхитителей, и даже о том, куда именно те пойдут этой ночью. Но Сену никогда не экономил на подкупе, прекрасно понимая, в чем залог существования его и его способа добывания золота.

Это была отлаженная долгими годами система – через определенное время после захоронения очередного состоятельного покойника, когда его душа – Ка – уже отправлялась в царство Осириса и обратно вернуться не могла, нужные люди сообщали расхитителям, где находится потайной лаз в гробницу, не закрытый печатью. В такой лаз легко проникал щуплый человек, обычно это был очередной ловкий мальчишка или двое, из гробницы выносили все небольшие ценные вещи, которые немедленно отправляли к скупщику, а через него возвращали мастерам, их изготовившим, чтобы, будучи слегка подновленными, снова оказаться в чьей-то гробнице. И все начиналось сначала.

Сену в отличие от других расхитителей, не взламывал печатей, не вытаскивал из гробниц большие предметы, прекрасно понимая, что так можно легко попасться, к тому же мелочь ино-

гда бывает очень ценной. Нужные люди сообщали и то, что стоило бы взять в очередной гробнице. Сену довольствовался третью настоящей стоимости украденного, треть оставлял себе скупщик, а треть брали те, кто информировал и не мешал его «работе».

Банда была невелика, как только мальчишка становился слишком болтливым или заносчивым, пытался обмануть главаря или делал что-то неловко, его посылали в гробницу еще раз, якобы в другое помещение. Ни один такой повторный поход не закончился возвращением провинившегося, Сену знал, как отправлять на верную смерть.

Когда в поле его зрения появилась ловкая девчонка, явно искавшая встречи с расхитителями гробниц, Сену не сразу признался, что имеет к этому отношение. Слишком странным показалось то, что красивая, явно не из бедной семьи девушка, которая запросто могла найти себе мужа, даже не имея за душой и четверти шетита, за которые сейчас не купишь, как раньше, четверти меры проса, желала стать воровкой. Незер не рассказывала о себе ничего, ловко уводя беседу в сторону, Сену понял только одно – ей очень нужно золото, много золота (хотя кому оно не нужно?). Приказал проследить за девчонкой, но его ловкачи ничего не сумели за два дня увидеть, потому главарь решил сегодня ночью взять Незер с собой и там посмотреть, как себя поведет.

Она пришла так, словно делала им одолжение своим появлением. Даже не глянула на освободившего место Шахкея, словно тот обязан уступать. Тот собрался возмутиться, но тут же расплылся в улыбке, словно увидел оброненный кем-то большой мешочек с шетитами – красавица вдруг похлопала рукой по камню рядом с собой:

– Садись, Шахкей.

Сидеть на остром камне было крайне неудобно, но вор сел бы и на кол, лишь бы рядом с этой девушкой. Сену постарался сдержать улыбку. Что и говорить, умеет Незер превращать мужчин в своих рабов. Она тут же отвернулась от Шахкея, но тот продолжал смотреть на красавицу влюбленным взглядом.

Они подкреплялись кусочками ягнятины, запеченными в костре, которые нанизывали на пруты.

Незер, следуя приглашающему жесту Сену, тоже подцепила кусочек, сунула его в золу, пару раз повернула, чтобы запеклось равномерно, и теперь ждала, когда окончательно дойдет.

Разговор при ее появлении шел о том, кто пойдет в эту ночь на дело. Конечно, все замолчали, но Незер не заметила этого, она вела себя так, словно была своей в этом мужском сообществе. Сену решил, что опасаться девушку смешно, тогда не стоило и звать ее, а потому продолжил разговор:

– Хека, сегодня полезешь ты. Остальные на страже.

– А... она? – не выдержал кто-то из воров, кивая на Незер.

Сену скосил на девушку глаза, покачал головой:

– Пусть пока посмотрит.

– На кой она тебе?

В другое время Незер показала бы, как разговаривать при ней так, словно ее нет рядом! Но сейчас приходилось терпеть, от Сену девушке было кое-что нужно, причем срочно.

– Заткнись! – огрызнулся Сену. Повернулся к Незер: – Где ты была, когда за тобой приходили утром?

Та независимо пожала плечами:

– Я должна спрашивать разрешение сходить на рынок? Я пока сама по себе.

– Вот именно – пока!

И замер, встретившись с жестким взглядом девушки.

– Сену, я никогда не была ни у кого в подчинении. Меня можно убить, но не поставить на колени! И приказывать мне нельзя. Запомнил? Все запомнили? – Незер медленно обвела взглядом пятерых мужчин. Позади восторженно ахнул Хека.

Сену довольно хмыкнул, такой женщины у него еще не было.

А та продолжила:

– И делать я буду то, что захочу. Если вас это не устраивает... – Незер развела руками, мол, нам не по пути.

Бывалые воры смутились, кто-то потупил глаза, кто-то, наоборот, восхищенно разглядывал чудо с роскошными распущенными волосами. Сену хмыкнул, оценивающе окинув девушку взглядом:

– Зачем к нам пришла?

Незер хотела сказать, что он сам позвал, но вместо этого пожала плечами:

– Интересно.

Из-за недогляда ветки в костре разгорелись, и вместо золы снова показалось пламя. У Шахкея сгорел его кусок мяса, запахло паленым, остальные принялись выхватывать свои прутики, разговор о Незер прекратился и больше к этой теме уже не возвращался.

Поговорили о предстоящем деле, вспомнили несколько предыдущих, какие-то удачные или неудачные случаи. Надавали Хеке множество бестолковых советов. На девушку уже никто не обращал внимания, все были сосредоточены на новом ограблении.

Немного погодя Незер подседа ближе к главарю:

– Сену... знаешь надежного скупщика краденого? И чтоб богатый был.

Тот скосил на красавицу глаза:

– Стащила что-то ценное?

– Нет.

– Есть что-то на примете?

– Да нет же!

Незер как можно равнодушной пожала плечами, чтобы опытный вор не догадался о ее намерениях:

– У скупщиков есть золото. У богатых скупщиков его много... – Потянулась к костру за своим прутиком, подула, отставила в сторону, чтобы мясо чуть остыло. Все это, словно не замечая внимательного взгляда Сену. Посмотрела ему в глаза. – Зачем воровать что-то в гробницах и потом продавать скупщикам за золото, если можно сразу взять это золото?

Сену ахнул:

– Ну ты и хитрая! А если попадешься?

Девушка отвела взгляд, снова пожала плечами.

– Попасться можно и в гробницах, а скупщик жаловаться не побежит, поскольку сам преступник.

Сену хмыкнул:

– Ладно, назову одного, но он тоже хитрый...

– А если попадусь, то ты скажешь, что я этой ночью была с тобой...

Теперь вожак смотрел заинтересовано:

– А ты будешь?

Девушка окинула его оценивающим взглядом и усмехнулась:

– Потом... если не попадусь...

Девушка вовсе не была воровкой и украла впервые в жизни, ей необходимо золото, много золота, чтобы оплатить раскрытие некой тайны. Ради этого она пришла в Город Мертвых, наде-

ясь заработать вместе с расхитителями гробниц. Тем более тот, кто владел тайной и запросил за нее много золота, тоже жил в Городе.

Теперь у нее было то, что стоило много золотых шетитов, но их еще нужно получить. По тону главаря воров девушка поняла, что со скупщиком опасно связываться. Может, попытаться прямо обменять анх на нужные ей сведения? И пусть владеющий тайной сам идет к скупщику, она может даже назвать имя...

Немного погодя Незер уже беседовала с человеком в балахоне с широкой красной полосой по краю.

Красным был и пояс, поддерживающий его схенти, и сандалии. Ожерелье и браслеты золотые сплошь с красными и желтыми камнями.

Такое количества красного выдавало в человеке служителя бога Сета, чей цвет красный. Неудивительно, они на границе владений Сета и Гора – оазис Шедет принадлежит Сету, а Мемфис уже Гору. Но сам Сет далеко на юге, потому в Городе Мертвых так много поклонников Гора и его отца Осириса.

– Сетмет, ты обещал сообщить, что знаешь.

– Принесла золото?

– Нет, но...

– Незер, я не бросаю слов на ветер.

Девушка фыркнула, как рассерженная кошка:

– А если я отдам тебе золото, а ты не скажешь ничего полезного?!

Узкое лицо Сетмета перекосила гримаса презрения:

– Я никогда не обманываю! Принеси то, что обещала, и я не только сообщу тебе нужные сведения, но и помогу попасть в нужное место.

Большие глаза девушки загорелись от возбуждения:

– Поможешь мне?

Еще немного, и Незер просто предложила бы украденную вещь Сетмету, жрец должен знать толк в таких вещах. Она чувствовала смутное опасение, не желая отдавать украденное прямо жрецу, но готова это сделать...

Однако договорить им не дали, подошел помощник Сетмета, и Незер поспешила удалиться, бросив через плечо:

– Скоро приду.

Попытка обменять украденную вещь на тайну не удалась, значит, нужно поспешить к скупщику, как бы это ни было опасно. Открыть свою тайну хотя бы Сену Незер даже в голову не приходило. Тайна ее и только ее, значит, и справится она тоже сама.

Скупщика краденого зря называли Шеду, то есть бурдюком, он походил не на полный бурдюк, а на паука – огромного и жадного. А еще он был настоящим хамелеоном, ведя двойную жизнь.

Для всех Шеду уважаемый чиновник, в ослепительно белом схенти и таком же переднике из первосортного льна с широкой узорной каймой по краю, в хорошем парике, всегда окруженный помощниками и охраной, он выглядел очень важно. Шеду много и вкусно ел, мало двигался, но из-за своей двойной жизни слишком мало спал и часто нервничал, потому был жилист и беспокоен.

Двуличный чиновник-скупщик уже имел так много золота, что мог бы вовсе ничего не делать, удалившись на покой, даже не раз обещал сам себе, что вот-вот так и поступит, но наступал день, и он отправлялся набивать свои закрома тайными подарками от родственников, желающих похоронить своих умерших именно здесь, а по вечерам принимал расхитителей гробниц, приносящих ему добычу. В его руках оказывались две стороны одного дела – он

определял место и время захоронения, утверждал план очередного мастаба, потом выдавал эти сведения верным людям вроде Сену и скупал все, что те приносили.

Конечно, вечно так продолжаться не могло, но, даже боясь быть разоблаченным, остановиться Шеду уже не мог. Давал себе слово, что остановится, но не мог.

Его открытая жизнь текла в одной половине дома – богатой, с множеством слуг, великолепной внутренней отделкой, прекрасным садом с большим прудом и несколькими беседками, покоями для гостей, хорошей кухней и прочим. Тайная проходила в совсем иных условиях, Шеду по подземному переходу пробирался в другой дом – скромный и незаметный, где слуг почти не было, а масляные светильники даже ночью горели далеко не все.

Гости, нередко подолгу засиживавшиеся в большом доме и хвалившие пиры щедрого хозяина, не подозревали, что за стеной сада он занимается скупкой краденого.

Но недавно Шеду решил, что пора жениться. У него была супруга – рано постаревшая и подурневшая (куда уж больше!), которую словно в насмешку называли Нефер – «красота». Когда-то он женился, чтобы получить должность за отцом Нефер, чиновник был стар и с удовольствием отдал Шеду вместе с должностью дочь, сбыть которую уже не надеялся. Дурнушка с красивым именем надоела, Шеду приглядывался к юным и симпатичным девушкам, которых в Городе было немало. Богатство позволяло не ждать от родителей невесты приданого, лучше, если этих родителей не будет совсем. Пусть сама девушка отличается красотой, остальное Шеду обеспечит.

Помощник скупщика Гист получил задание активней крутить головой на улице, высматривая какую-нибудь юную красотку, которую можно заполучить за золото.

Гист был особо доверенным слугой, Шеду вообще мало доверял людям, а уж свои тайны поверял только ему.

В тайное обиталище Шеду не попадал кто угодно, туда приходили редко и только проверенные люди, а уж самого хозяина в лицо и вовсе знали несколько человек. Если появлялся посетитель, в надежности которого Шеду сомневался, с ним разговаривал помощник скупщика и по знаку хозяина либо проводил гостя в другую комнату для беседы, либо выпроваживал, делая вид, что ничего не знает ни о какой скупке. Чтобы попасть во внутреннее помещение, нужно было произнести определенные фразы.

На сей раз был не посетитель, а посетительница, причем буквально девчонка, таких помощник Шеду даже внутрь не пускал, не только к хозяину. Но девушка произнесла слова, которые были паролем Сену, это означало, что вожак воров ей доверяет. Шеду знал, что Сену ни за что не назвал бы пароль кому попало, но все равно сделал знак помощнику, чтобы тот был очень осторожен. Шеду дрожал от страха за свою никчемную жизнь, словно бурдюк, не имея ни минуты покоя и от страха быть убитым, и от мысли, что может упустить что-то ценное. Обычно его больше беспокоило второе.

Если Сену прислал эту девчонку, значит, у нее есть что-то ценное. Но почему днем и почему не пришел сам?

Расспросы начал Гист:

– Зачем Сену прислал тебя сюда?

Девчонка невозмутимо пожала плечами:

– У меня есть что предложить.

Однако у того, что Незер пустили в тайное обиталище Шеду, была еще одна причина – красота девушки. Гист сразу дал знать хозяину, что она хороша. У Шеду, который минуту наблюдал за Незер из-за перегородки, даже слюнки потекли и схенти впереди заметно вздыбилось. Руки чесались ощупать высокую грудь, оставленную открытой скромным калазирисом, и погладить упругую попку, аппетитно выпирающую сзади. А огненная грива волос чего стоит! Как ей пришлось в голову заказать такой парик?

Для себя Шеду немедленно решил, что именно такая ему и подходит. Мешало только одно – если девчонку прислал Сену, значит, сам имеет на нее виды, не мог главарь воров пропустить этакий лакомый кусочек. Но Шеду готов выкупить у вора красотку за любое количество шетитов. Казалось, Шеду ничто не могло остановить от того, чтобы не затащить Незер на ложе.

Скупщик приказал Гисту провести девчонку в тайную комнату, куда не пускал вообще никого. Зато там есть удобное ложе, и никто не увидит, как он снимет с красотки калазирис, оставив ее нагой, как потом разложит на накидке и сполна насладится великолепным телом. О том, что девушка может не согласиться, Шеду не думал. Если пришла, значит, ей нужны шетиты, а тот, кто нуждается в золоте, продается.

Он даже забыл о своем намерении жениться, все заслонило желание обладать.

Едва переступив порог его жилища, Незер пожалела, что не расспросила Сену об этом Шеду подробней. С таким надо держать ухо востро. К сальным взглядам и предложениям любви она привыкла, умела не обращать на них внимания, к девушке словно не приставала вся эта грязь. Раздевающий взгляд скупщика не оставлял сомнений в его намерениях, а сбившееся дыхание – что он готов намерение осуществить. Оставалось надеяться, что этот бурдюк любит золото больше, чем женщин.

Незер постаралась не выдать своего беспокойства. Она с деланным любопытством огляделась, в действительности прикидывая пути к отступлению. Наметанный глаз успел заметить многое, вернее, все, что нужно. И стоящего на страже у двери слугу тоже.

– Зачем Сену прислал тебя ко мне?

– Я уже объяснила твоему помощнику: у меня есть что предложить.

Шеду усмехнулся, снова окинув ее с ног до головы, вернее, до груди, где его взгляд и остановился.

Незер поняла, что чем скорее закончит разговор, тем выше вероятность, что выйдет не изнасилованной. Находиться с пыхтящим от вожделения мужчиной в тайной закрытой комнате и под охраной слуги крайне опасно.

– За то, что у меня есть, я хочу две сотни шетитов.

– Сколько?! – взвыл Шеду, от возмущения забыв, что его интересует совсем другое.

Незер шагнула к небольшому столику ближе к лампе и положила на него что-то завернутое в ткань. Шеду не смог удержаться, чтобы не скосить глаза на сверток, а через мгновение и вовсе метнулся к столу – по комнате побежали разноцветные зайчики, которые отбрасывали камни, украшающие анх!

Две сотни шетитов! Это чудо стоило в десяток раз больше. Но не сама ценность золотого анха и его камней заставила Шеду даже вспотеть, он понял, что девчонка принесла не просто украшение, а... Вмиг была забыта упругая грудь и аппетитная попка, не до них.

– Откуда он у тебя? – против воли скупщика голос выдал его волнение.

– Не твое дело!

Сказала как отрезала.

– Ты, конечно, запросила много... Зачем тебе столько денег?

– Покрою золотом сандалии. Ты берешь?

– Только из жалости к тебе.

– Не надо меня жалеть, лучше давай шетиты.

Привлеченные блеском драгоценности, ни Шеду, ни его помощник не обратили внимания на то, что Незер времени зря не теряла – нож, лежавший на втором столе, легко перекинул в ее руку и тут же оказался прикрыт той самой тканью, в которой она принесла анх.

– Золото!

– Да-да, конечно! – Шеду суетливо задергался и допустил ошибку, впоследствии дорого ему стоившую.

Скупщик надавил на один из камней, образующих стену за узким ложем, камень повернулся, открыв небольшую нишу. Что лежало на полках этой ниши, Незер не увидела, она успела перехватить взгляды, которыми обменялись хозяин и его слуга, и поспешила переместиться, чтобы оказаться ближе к Шеду и дальше от его помощника.

Скупщик бросил ей мешочек с шетитами и сделал какой-то знак Гисту. Но тот двинуться с места не успел, в следующее мгновение нож оказался приставленным к горлу скупщика:

– Тихо! Ты проводишь меня до выхода, а если дернешься или что-то сделает он, я проткну тебе горло. Он останется здесь, мы пойдем вдвоем.

Не мог же Шеду сказать этой нахалке, что никогда не выходит с той стороны дома! Но выбора ни у него, ни у его помощника не было, острое кинжальчика уже повредило кожу, на шее выступила капелька крови. Скупщик прохрипел:

– Делай, как она требует...

– Молодец, – согласилась Незер, – жизнь дороже любого золота. Тем более, я тебя не обманула, анх настоящий.

– Где ты его взяла?

– Не твое дело!

Она дотасила Шеду до двери быстро, так же быстро исчезла за ней, толкнув скупщика обратно в дом и привалив под дверь камень, лежавший у входа снаружи, чтобы открыть сразу не получилось. В следующее мгновение Незер уже не было рядом с домом, но ни Шеду, ни его помощник не бросились следом.

Скупщик потирал шею и невольно вспоминал, как к его спине прижималась та самая упругая грудь, которую хотелось потискать. Но вспоминал недолго – анх важнее любой груди!

Поняв, что ее не преследуют, Незер поспешила к Сетмету, чтобы избавиться от шетитов. Если скупщик пожалуется охране на нападение, без золота доказать что-то будет трудно.

«Пусть только попробует!» – пригрозила непонятно кому Незер.

Жрец в красном одеянии ее появлению удивился:

– Ты принесла золото? Где взяла?

– Подарили! – огрызнулась девушка. – Оно настоящее. Говори!

Взвесив мешочек с шетитами в руке, жрец бросил его на стол и сообщил:

– Тебе нужно во дворец Сета.

– Куда?!

Сетмет усмехнулся:

– Да, именно туда. Испугалась?

– Нет. Где Сет и как к нему добраться?

– Слушай и запоминай. От этого будет зависеть твоя жизнь. – Голос жреца скрипуч больше обычного, но сейчас Незер наплевать. – Ты боишься плыть, значит, пойдешь длинным и тяжелым путем – через пустыню. Большой караван выходит через три дня из Шедета, пойдет на юг по пескам. С ним дойдешь до Харги. Там караван свернет на юго-запад, а ты к Нилу в Дандару, чтобы переправиться на другой берег, оттуда до Джаути.

От жреца не укрылось, что при слове «Дандара» девушка вздрогнула, он едва заметно усмехнулся, видно знал что-то о Незер, связанное с этим городом.

– Запомни: у перевала тебя будет ждать человек, без которого на ту сторону нос совать не смей!

– Это еще почему?! – Незер понятия не имела, что это за название «Джаути» и что за перевал тоже, но не возразить просто не могла.

– Потому что по ту сторону особые владения Сета и там девушки не ходят без сопровождения. Главное для тебя – не опоздать к перевалу. Человек будет ждать тебя через четыре луны и еще до новолуния, но ни днем дольше. Опоздаешь – можешь возвращаться обратно. Человека зовут Юсеф, и ты покажешь ему вот это, – жрец протянул Незер круглый диск с какими-то знаками. Диск невелик, можно спрятать на груди под ожерельем, что девушка и сделала.

Жрец проследил за ней, довольно кивнул:

– Больше никому не показывай. Юсеф проведет тебя до дворца Сета, дальше сама. Только запомни: по ту сторону Нила будь очень осторожной. Тебе оплачен путь туда, а обратно не мое дело. Караванщика в Шедете зовут Бану.

– Ты сказал, что караван выходит через три дня?

– Да, до рассвета. Бану покажешь эту пластину, он возьмет тебя с собой до Харги и построит в караван до Дандары. В Кену переправишься сама, а там караванные тропы, и найдется кто-нибудь, кто идет в сторону Джаути.

Незер мало волновали проводники до Джаути, до Харги добраться бы.

– Значит, мне нужно уходить отсюда еще до рассвета?

– Если хочешь успеть...

Конечно, она хотела!

Где-то на юге лежала ее родная зеленая Харга, там остались родители, сестры, братья. И хотя Незер давным-давно порвала со своей семьей, посмотреть одним глазком на родных все же не терпелось.

Но еще больше хотелось успеть в нужный срок к этому Джаути и во дворец бога тьмы. Мало кто добровольно рвется к Сету, напротив, все бегут. Но для Незер это стало смыслом жизни.

Сейчас она жалела только об одном – что мало золота запросила у мерзавца Шеду, он мог дать куда больше. Сетмет сказал, что дорогу туда она оплатила, а вот как будет выбираться обратно?

«Главное добраться туда!» – решила для себя Незер и, тряхнув головой, поспешила прочь от дома Сетмета.

Странный день. Утром она отправилась на рынок, чтобы купить немного еды, там удалось украсть ценную вещь, потом сбыть анх скупщику и наконец получить вожаемые сведения от Сетмета. Сбылась часть мечты, теперь она хотя бы знала, где искать самое ценное в ее жизни...

О том, что какой-то красавец видел ее на рынке, вернее, видел попытку кражи, Незер не вспоминала. Даже если видел, пусть попробует доказать, что она что-то украла, так же, как и Шеду. У нее ни драгоценности, ни золота, только нужные сведения.

Можно бы отправиться в Шедет немедленно, но ладья Ра уже проплыла по небу больше половины дневного пути, скоро наступит вечер. Лучше подождать до рассвета. За три дня она успеет добраться до Шедета, чтобы попасть в караван Бану.

Кажется, в ее жизни что-то менялось к лучшему.

Писец Ани потянул носом и поморщился: в беднейшем районе Города не протолкнуться от беженцев, а они не имеют средств для покупки ароматических масел, пользуются разной гадостью или вообще ничем не пользуются. Из-за этого пахнут так, словно никогда не мылись.

Пожалуй, нужно подумать о том, чтобы перебраться в более богатый район. Он не хотел торопиться, надеясь подкопить еще шетитов, чтобы купить дом рядом с высокопоставленными чиновниками. Для этого требовалось время, а жить неподалеку от района бедноты становилось все трудней. Прогорклый запах плохих ароматических масел, тяжелый запах пота и отбросов, казалось, пропитали сам воздух узких улочек, даже легкий вете-

рок приносил вонь к соседям. Все чаще жители средней руки влезали в долг и покупали дома подальше от района бедноты, где так много беженцев с запада. Их места быстро занимали все те же беженцы, только побогаче.

Ани вздохнул, удобный и тихий недавно Город превратился в прибежище обездоленных людей. Их жалко, конечно, но как же быть тем, кто издавна жил здесь? Спокойная жизнь Города нарушена, не многие и помнят то, каким Город был раньше, до массовой волны беженцев.

Писцы уважаемые люди везде, у Ани всегда было много работы, но его семья была бедна, всего пришлось добиваться самому, много работать и скромно жить, чтобы скопить средства хотя бы на это жилье. Он никогда не делал долги, ведь тот, кто должен, превращается в раба, но сейчас придется это сделать.

Ани даже знал, у кого возьмет – в Городе есть мастер, для которого шетиты ценности не представляют. Менес не откажет приятелю.

Писец занес стило над папирусом и задумался, представляя, какой бы хотел дом.

Конечно, просторный, окруженный большим садом с золотистыми рыбками в нем... Нет, лучше рыбный пруд и пруд для купания и катания на лодках сделать отдельно. А еще беседки... и чтобы стены и пол в доме были сплошь расписаны картинами из жизни, он видел такие в домах у знатных людей...

В следующее мгновение Ани обругал сам себя – с кончика стило на папирус капнули чернила, и по тексту расползлась большая клякса!

– Поделом тебе, не мечтай о несбыточном! – разозлился на себя Ани. Папирус стоил средств, к тому же испорчена красивая работа, которую он намеревался закончить к середине дня, теперь придется корпеть не только весь день, но и ночь, чтобы успеть сделать все к сроку. Не стоило мечтать о двух прудах, это потребует слишком много золота. Даже мечты должны быть осуществимыми.

Ани вздохнул и продолжил работу уже на новом свитке папируса, внимательно следя за тем, сколько чернил набирает, и больше не отвлекаясь на мысли о новом доме. Противный запах с соседней улицы можно и потерпеть...

Глава 2

Странным выдался день и у скульптора Менеса... Менес возвращался домой с рынка, досадуя сам на себя. Ему очень хотелось забыть увиденное преступление, но не получалось. Перед глазами стояла стройная фигурка воровки. Даже при большом количестве беженцев, заполнивших каждую улочку Города, он смог бы найти девчонку, такие не встречаются на каждом углу, один парик ее чего стоит, где и носят такие? Да, нужно ее найти и пристыдить! В Городе Мертвых жесткие порядки, если даже она прибыла издалека и ей нечего есть, нужно попросить помощь, а не воровать.

Скульптор не желал признаваться сам по себе, что если и станет искать преступницу, то вовсе не ради перевоспитания, а для того, чтобы еще раз взглянуть на совершенные формы ее фигурки. Может, она согласилась бы позировать ему? Менес почти не разглядел лицо, заметил только большие глаза непонятного цвета, но это неважно, имея такую фигурку, лица можно не иметь совсем.

Неизвестно, как поступил бы скульптор, но в мастерской его ждали необычные гости...

Даже во времена, когда Египет еще занимал всю территорию от океана на западе до пустыни за Нилом на востоке и правили им боги, не каждому было дано беседовать с этими богами.

Боги по своей воле могли появляться в любом обличье и любого роста. Гора, например, все видели с головой Сокола и огромным – восемь мужчин, встав друг другу на плечи, едва ли достали бы до его подбородка! Но были и те, кто не гнушался появляться перед людьми в почти обычном виде – рослыми, как сопровождавшие их бессмертные, но лишь на полголовы выше, например, Менеса.

Не перед всеми появлялись, только перед избранными. Менес входил в число таковых, он дружил с богом мудрости Тотом. Эта дружба досталась Менесу в наследство от его наставника. Еще мальчишкой он не раз видел бога Тота, снизошедшего до бесед с Сиа – учителем Менеса. Ученик слушал, запоминал, а потом сам принялся задавать вопросы. Отвечая, бог Тот внимательно приглядывался к ученику своего земного приятеля, а когда учитель умер, дружба между богом и младшим скульптором не умерла.

Тот появлялся, когда пожелает, но всегда один. А на сей раз...

Никто не знал, что вот этот некрасивый, похожий на огромную обезьяну мужчина (недаром его изображали в виде сидящего павиана) в действительности бог мудрости, научивший египтян писать, читать и считать. Да разве только этому научил бог Тот своих подопечных! Больше знаний им передал только бог Осирис.

Бог Тот сидел под большим сикомором перед входом в мастерскую, наблюдая за кем-то, кто был внутри. Менес поймал себя на дурацкой мысли, что внутри та самая девчонка, но поспешно эту мысль отогнал. поприветствовав бога, опустился рядом на камень, тоже скосил глаза в открытую дверь мастерской. Там, разглядывая его работы, стоял рослый юноша.

Тот заметил этот взгляд, кивнул на гостя:

– Это Нармер. Хочу, чтобы ты его обучил своему ремеслу.

– Я? – изумился Менес.

Вот еще! Он никогда никого не учил, даже не представлял, как это делать. Сам учился долгие годы детства, просто каждый день наблюдая и помогая Сиа. Но он был мальчишкой, а этот взрослый совсем, как его учить?

Бог Тот, видно, понял мысли скульптора, на то он и бог мудрости. Усмехнулся:

– Знаю, не твое это дело, но все равно прошу взять ученика. Он юноша очень толковый, все схватывает на лету.

Менес снова покосился на юнца, как-то уж очень скептически оглядывавшего незавершенные работы, оставленные Сиа (а может, и тем, кто учил самого Сиа). Скульптор помнил собственное потрясение от этих несовершенных творений, тогда казалось, что лучше человек ничего создать не способен. Кроме того, стоило попытаться самому вылепить что-то подобное, как становилось ясно, что и до такого-то учиться и учиться.

А этот вон морщится...

– Зачем ему?

– Менес, я ведь тебя не только делу его обучить прошу. Хочу, чтобы ты из Нармера человека сделал.

– А он кто?

– Сноб. Заносчив очень, самонадеян. Сообразителен, схватывает все на лету, запоминает так, что диву даешься, голова, руки – все есть, но... заносчив, – снова вздохнул Тот.

Вот только заносчивого ученика Менесу не хватало!

В последнее время у Менеса вообще что-то не ладилось, заказов было много, и удачные работы тоже были, но хотелось чего-то грандиозного, а приходилось высекать одну за другой скульптуры ничтожеств, обладавших при жизни большим количеством золота. Он не нуждался в заработке и постепенно стал отказываться от неинтересных заказов, но это не добавляло значительности делам. Каждому мастеру нужна работа по его максимальным способностям, иначе он начинает тосковать.

Неужели Тот решил, что лучшее для Менеса – воспитание заносчивого юнца, словно мастер больше не способен ни на что путное?

И снова бог понял его мысли раньше самого Менеса.

– Менес, поучи его пока инструменты в руках держать и покажи что да как. У тебя скоро будет заказ, о каком можно только мечтать. Прославишься перед потомками навсегда. А этот, – Тот кивнул в сторону заинтересованно что-то разглядывавшего Нармера, – будет помогать. Но чтобы он помогать мог, должен сначала научиться.

– Какой из него помощник? – фыркнул Менес, заметив, что юнец взял в руки ком глины, намереваясь что-то вылепить. Но мысль, что мальчишка не боится испачкать руки, все же была приятна. И то хорошо.

Но вдруг сейчас набегут слуги, примутся дитя отмывать, причитать?

– Чей он?

Тот отвернулся, словно заинтересовавшись чем-то в небе:

– Неважно. И его не слушай, вбил себе в голову, что сын бога.

– А в действительности?

– Сказал же: неважно! Учи, словно он простой мальчишка!

– А потом его отец меня уничтожит.

Неожиданно Тот кивнул:

– Уничтожит, если плохо научишь. Учи хорошо.

– Нельзя научить того, кто не хочет.

– Он хочет. Не пожалейшь, у Нармера один недостаток – самоуверенность. Если исправить, ему цены не будет.

Менес усмехнулся:

– Исправить! Если он сын бога, значит, бессмертный. А если бессмертный, то почему бы передо мной не погордиться?

– Потому что ты мастер, а он никто!

Менес впервые видел досаду Тота, слышал раздражение и даже ярость в его голосе. Видно, этот Нармер его здорово довел. Но от поручений бога не отказываются, пришлось соглашаться.

Тот облегченно вздохнул, поднимаясь на толстые кривые ноги:

– Вот и хорошо. Быстро учи, он тебе для работы понадобится.

Глядя вслед поспешно удалявшемуся человеку с павианьей походкой, Менес подумал, что бог спешит, чтобы человек не передумал. Значит, была такая возможность? Зря согласился, надо было отказаться.

Но сделанного не вернешь, придется учить этого заносчивого юнца тяжелому и грязному труду скульптора. Жаль, не спросил о слугах. Но если о них уговора не было, значит, можно гнать, если появятся. А если мальчишка не выдержит без толпы слуг, тем лучше, пусть сбегает.

От этой мысли Менес даже повеселел.

До девчонки-воровки ли ему? И не вспомнил...

Бог Тот был прав, Нармер действительно хотел научиться ваять. В последние дни он подолгу стоял перед скульптурами Менеса, словно впитывая его мастерство глазами, именно такое внимание подтолкнуло Тота к решению пристроить подопечного к мастеру.

Вот и теперь Нармер, погрузившись в созерцание незавершенных работ, словно забыл о присутствии снаружи бога и мастера. Он переходил от одной полки к другой, отступал, снова приближался, что-то разглядывал, почти уткнувшись носом в скульптурки, хмыкал, снова отступал...

Одна из скульптур заинтересовала юношу больше остальных, снял с полки, разглядел, крутя в руках, хмыкнув, поставил на небольшой стол, за которым сам Менес иногда работал над глиняными моделями будущих скульптур. Вдруг решительно расстегнул и сбросил белоснежное схенти, оставшись в совсем коротеньком, едва прикрывавшем то, что мужчины прячут от любопытных женских взоров. Схенти легло на скромное ложе, на котором мастер коротал ночные часы, поверх него оказались брошены многочисленные золотые браслеты с рук Нармера, а потом и массивное ожерелье. Такое разоблачение ничуть не убавило привлекательности нового подопечного Менеса, Нармер был хорош сам по себе – крепкое тело, щедро умащенное маслами, короткий густой парик из черных шелковистых локонов, сильные для его возраста мышцы и небольшие изящные кисти рук...

Не замечая пристального внимания своего нового учителя, Нармер опустился на колени перед столиком, подхватил из-под рогожи ком глины, щедро (Менес отметил, что слишком щедро) смочил его водой из сосуда рядом и принялся мять руками. Именно то, что юнец не испугался испачкать свои холеные руки, понравилось скульптору и сыграло свою роль в соглашении взять ученика.

Юноша очень старался повторить, но по-своему, выбранную скульптуру. Получалось не очень хорошо, его работа категорически не желала держаться, то и дело съезжая набок.

Но не это было самым главным. Менес прекрасно видел все ошибки ученика, как и то, что у Нармера безупречное чувство формы и пропорций. Бог Тот прав, у этого юнца талант и бешеная работоспособность, а еще упорство, за то недолгое время, что Менес наблюдал за ним, Нармер успел переделать свое творение трижды. И трижды потерпел неудачу.

Менес решил, что пора помогать.

Едва он переступил порог, юноша, не отрывая взгляда от своей работы, сообщил:

– Я Нармер. А ты Менес. Тот сказал. – Рука указала на полку с работами предшественников скульптора: – Это не ты делал. А вот там, – другая рука ткнула в противоположную сторону, – твои работы, когда учился.

Нармер точно определил, где что. Менесу это понравилось, но он поинтересовался:

– Почему ты так решил?

Юноша пожал плечами:

– Манера разная. Ученики?

– Учителя.

Нармер изумленно вскинул большие зеленые глаза:

– Чему они могли научить? Ты делаешь куда лучше.

Зеленые глаза в Египте не редкость, как и синие вроде глаз самого Менеса, но скульптора поразила глубина этих глаз. Наверняка полубог. Скульптор попытался вспомнить, у кого из богов зеленые глаза, но не смог, ведь обычно боги носили маски.

На замечание Нармера усмехнулся:

– Ученик обязательно должен превзойти учителя, иначе какой смысл учить? Если ты меня превзойдешь, буду рад.

– Превзойдешь! – с досадой фыркнул Нармер. – Чего оно не держится?

В голосе юноши против его воли прозвучала почти детская обида на непослушную глину.

Менесу стало смешно, но он сдержался, понимая, что ученик обидится. Скульптор опустился рядом на колени, подхватил ком глины, слегка смочил водой и принялся повторять фигурку, которую лепил Нармер. Опытный взгляд мастера сразу отметил и неудачу юноши, и его успех. А успех заключался в том, что Нармер точно уловил ошибку автора несовершенной поделки и попытался исправить. У Менеса имелась исправленная версия, но мастер был вынужден признать, что вариант, который пытался создать этот неуч, даже лучше его собственного. Пожалуй, бог мудрости, как всегда, прав, у этого мальчишки есть талант.

А вот снобизма или зазнайства Менес пока не заметил. Может, все не так уж плохо?

Нармер внимательно следил за работой учителя, уяснив собственную ошибку, смял глину в комок, смочил уже слегка и принялся создавать фигурку заново. Конечно, он работал не так уверенно и красиво, как Менес, но вполне достойно похвалы. Немного погодя на столике стояли две работы – мастера и ученика, и вовсе не отличались как сокол и ворона.

Внимательно осмотрев изделие ученика, Менес кивнул:

– Хорошо. Где-то учился?

Юноша спокойно покачал головой:

– Нет. Но мне нравилось лепить. А вот высекать совсем не умею.

Менес снова подумал, что снобизма не видит.

– Кто твои родители?

– Отец, наверное, Гор. А мать... не знаю, никогда не видел.

– Кто отец?

– Бог света Гор, хотя он в этом признаваться не желает.

Менес решил зайти с другой стороны:

– Тебя Тот воспитывал? Давно?

– Да, Тот. Всю жизнь, я и не помню, чтобы жил где-то еще.

Скульптор обругал сам себя, ну чего пристал к мальчишке? Гор так Гор, пусть верит, что сын бога, какое дело Менесу до его происхождения? Учился бы хорошо и работы не боялся, а кем рожден... Менес и сам не ведал своих родителей.

Бог мудрости, как всегда, прав – юноша схватывал все с полуслова, да и руки у него хорошие, достаточно один раз показать, как Нармер повторял так, словно учился многие годы. Менес был готов поверить в то, что рядом с ним сын Гора.

Нармер быстро освоил основы лепки и сам создал несколько скульптурок. За это время между делом он успел немного рассказать о своей жизни. Родителей не помнил, детства тоже. Воспитывался у Тота, который научил математике, законам движения звезд, чтению и письму, научил понимать язык многих животных и птиц, а также улавливать признаки предстоящего подъема воды в Ниле или будущей непогоды.

Многое Менес знал и без бога Тота, но его удивляли знания и умения юноши.

– Сколько тебе лет?

– Не знаю, – пожал плечами Нармер.

На вид лет пятнадцать, а в действительности? Могло быть сколько угодно, если он полубог, то такие не стареют по несколько человеческих жизней. Вполне могло оказаться, что перед ним умудренный опытом старик, выглядевший юношей. После такого рассуждения Менес невольно вздохнул: как обращаться с этим стариком-юношей?

Но очень скоро скульптора от мыслей о возрасте подопечного отвлекла новость, мельком сообщенная Нармером.

– Гор в ярости на людей. Он не так часто появляется без маски, а сегодня решил сходить на рынок в человеческом обличье. И у него похитили анх!

У Менеса даже внутренности свело от осознания, что он сам был свидетелем кражи. Так вот кем оказался рослый одноглазый мужчина перед прилавком гончара, сумку которого попыталась украсть девчонка! Сумку она вернула, но в том, что не стащила что-то из нее, Менес не был уверен еще утром.

– Но разве Гор не может вернуть анх своей властью?

– Мы на границе владений Сета. Если богу тьмы станет известно о потере Гором анха, это сильно ослабит Гора и приведет к настоящей беде. Я говорю это тебе, поскольку понимаю, что ты не поклоняешься Сету. Тебе можно доверять, если доверяет Тот.

– Гор не может увидеть, у кого анх?

– Нет, не знаю почему, но не может. Я хотел бы помочь отцу найти анх, но не знаю, как это сделать.

Нармер не знал, зато знал Менес – нужно немедленно найти черноволосую девчонку! Едва ли она служительница Сета, но могла украсть анх по глупости. Если срочно не вернет, то поплатится.

Менес с трудом дождался, когда его ученик закончит умываться и отправится к себе.

Подождав еще немного, он поспешил из своей мастерской, чтобы разыскать воровку. Мысль выдать ее Нармеру или Тоту ему почему-то даже в голову не пришла. Нет, нужно найти глупую красавицу, забрать или просто выкупить у нее украденное и... Менес пока не знал, как вернуть анх Гору, но надеялся что-то придумать.

Ему знакомы те, кто знал о ворах и воришках в Городе Мертвых все, – это расхитители гробниц. Главарь самых удачливых Сену не раз пытался продать Менесу его же собственные изделия, похищенные из захоронений. Скульптор знал, что другие мастера нередко покупают то, что не так давно создали, чтобы пустить в оборот снова, но сам не делал этого. У Менеса и Сену сложилось своеобразное соглашение: понимая, что скульптор не купит свои изделия, ни скупщики, ни сами воры старались не трогать его работы. Хоть в этом Менес мог быть спокоен – он не причастен к обидам, нанесенным умершим.

Зато теперь причастен к оскорблению бога Гора!

Сену спешил, они явно собирались «навестить» чье-то захоронение, но он знал, что Менес не из тех, кто позовет стражу или донесет чиновникам, а потому был спокоен. Однако при вопросе о стройной девчонке насторожился:

– Зачем она тебе? Хочешь предложить позировать?

– Хотел бы, – кивнул Менес, – но, боюсь, она влипла в историю.

– Что она натворила?

– Стащила ценную, очень ценную вещь.

Менес тоже доверяя Сену, зная, что тот не спросит больше чем нужно и не донесет.

– Значит, все-таки что-то украла... – хмыкнул главарь воров. – Тогда тебе стоит поторопиться, девчонка может завтра пойти к скупщику.

Скульптор откладывать до завтра не стал, отправился к девушке немедленно. До утра анх должен быть у него, не то Гор начнет искать сам, тогда девчонке несдобровать...

Каморку, в которой жила красавица, он нашел быстро, но хозяйки дома не оказалось. «Еще где-то ворует?» – поморщился Менес, заглядывая внутрь.

Изучать было нечего, здесь явно жили временно, не утруждая себя созданием уюта. Узкое ложе для сна, подобие столика даже без инкрустации, сиденье без спинки и подлокотников. На узкой полочке гребень, небольшой отполированный диск, каким пользуются женщины, когда подводят глаза, и фигурка богини Хатхор. Не жертвенник, просто скульптурка из обожженной глины, какие десятками делают ученики, чтобы научиться чувствовать форму. Только эта скульптурка высокого качества, работал не подмастерье...

Все равно бедненько. Менес и сам довольствовался простым ложем для сна, парой кувшинов для воды и мисок для еды, но он одинокий мужчина, а это жилище молодой девушки.

Мелькнула неожиданная мысль, что, по крайней мере, мужчин она здесь не принимает. Менес обругал сам себя: его дело забрать анх у девчонки, а не разбираться с ее мужчинами.

Досадуя сам на себя, он собрался выйти из жилища, чтобы подождать хозяйку снаружи, но тут услышал, как женский голос напевает песенку о милом малыше. Менес едва успел отвернуться от входа и взять в руки небольшую статуэтку богини Хатхор – единственное украшение жилища, как песенка смолкла на полуслове, и женский голос окликнул:

– Эй! Что ты здесь делаешь?

Он обернулся, и оба замерли, девчонка, видно, узнала свидетеля ее преступления, а Менес от изумления. Перед ним стояло совершенство – пухлые, красиво очерченные губы, нежный овал лица, темные брови вразлет над большими миндалевидными глазами изумительного зеленого цвета, точеная шея... Простенький калазирис не мог скрыть стройность фигурки, а торчавшая из него упругая грудь так и манила прикоснуться если не руками, то хотя бы губами. Такой и раскраска сосков охрой или золотом не нужна.

Но еще больше Менеса поразили ее волосы, они были мокрыми. Девушка вымыла свой парик и надела его, не просушив хорошенько? Да и парик какой-то странный – он не уложен в прическу, рыжие блестящие локоны рассыпались по спине, закрыв ее до самых бедер.

Первой опомнилась хозяйка жилища, она тряхнула головой, отчего волна тугих локонов заходила по спине, и, стараясь не смотреть ему в лицо, поинтересовалась:

– Зачем ты здесь?

Менес обратил внимание на походку. У девушки точеная фигурка, длинные ноги с небольшими ступнями, красивые руки, но едва уловимое покачивание бедрами подсказывало, что эта задорно торчащая грудь, тонкая талия и красивые колени уже познали прикосновение мужских рук. Скульптору понадобилось усилие воли, чтобы не думать о том, чем занимается красавица помимо воровства. И чем они могли бы заняться, не будь у него задачи найти анх.

– Думаю, ты поняла, почему. Я никому не рассказал и не скажу о воровстве, но ты должна вернуть украденное.

Она резко повернулась, заставив волосы взлететь над спиной, словно стаю птиц.

– Я не краду у бедных! – Зеленые глаза смотрели с вызовом.

– Но ты украла очень ценную вещь, ты хоть это понимаешь?

Девушка демонстративно пожала плечами.

– Ну и что? Наверняка у него золотых побрякушек полным-полно.

– Только это не побрякушка, как ты назвала, а анх – символ божественной власти.

Красавица даже обрадовалась такому уточнению.

– Тем более! Значит, он этот анх уже у кого-то украл. Вот с него и спрос. – Девушка сделала выпроваживающий жест, но Менес словно не заметил. Тогда она ехидно добавила: – Не я первая.

Что-то не похоже, чтобы преступница раскаивалась. Скульптор схватил ее за запястье и, как ни пыталась вырваться, держал крепко.

– Ошибаешься, ты первая, только тебе могло прийти в голову украсть символ божественной власти у Гора!

Она обомлела, даже дергаться перестала. И без того большие глаза распахнулись в немом вопросе.

Но эту красотку просто так не возьмешь, воспользовавшись тем, что Менес ослабил хватку, она ловко вывернула руку и мгновение спустя стояла в шаге от скульптора.

– Так я тебе и поверила!

Менес разозлился:

– Мне наплевать, веришь ты или нет! Ты украла анх у Гора, и если немедленно не вернешь, будешь наказана им самим.

Девушка плюхнулась на ложе и замерла, глядя куда-то в пустоту. Менес понял, что ослаблять нажим не стоит.

– Ну, так ты отдашь анх?

– Нет!

Очень хотелось обозвать ее дурой, но Менес все еще надеялся помочь глупышке вернуть символ, чтобы избежать наказания.

– Почему?

– У меня его нет, – пробормотала девушка.

– А где он? – скульптор старался быть терпеливым и разговаривал с девчонкой, как с нашкодившим ребенком. Наверняка она таковой и была. Небось сбегала из дома, соблазненная враньем о легкой добыче расхитителей гробниц. Они же не рассказывают о мести тех, кого обокрали, о страхе и о том, что живут жизнью отверженных.

Но перевоспитывать девчонку сейчас не время, нужно добиться от нее возврата анха, пока Гор не узнал, чьих это рук дело.

– Отдала.

– Кому?

– Чего пристал? Какое тебе дело?

Девушка предусмотрительно держалась от Менеса подальше, чтобы снова не попасть в капкан его сильных рук, видно, усвоила, что пальцы у скульптора как клещи.

– Я тебя в последний раз спрашиваю: где анх? Ты украла божественный символ у бога и можешь быть за это жестоко наказана. Это не золотая игрушка, а символ власти.

Сказал и подумал, что зря так напирает на божественность, мало ли что той дурехе придет в голову? Лучше бы просто объяснить, что анх дорог его владельцу и тот готов щедро заплатить.

– Ты получишь щедрую плату, если вернешь украденное.

– Сказала же, что отдала.

– Отдала или продала?

– Ну, продала, какая разница?

Менес почувствовал некоторое облегчение. Тот, кто купил анх у девчонки, продаст его за большие деньги. Сейчас скульптор был готов потратить все свое золото, чтобы вернуть анх Гору. И заодно выручить девчонку.

– Большая. Кому продала?

– Скупщику.

– Говори, где живет и как зовут.

Он все же сумел вынудить ее признаться в продаже и назвать имя того, кому продала анх.

– Пойдем, я попытаюсь выкупить анх у твоего скупщика.

– Не продаст, – теперь девчонка выглядела мрачной.

– Почему?

– Он урод.

Менес поморщился:

- Меня не волнует его внешний вид.
- Он жадный, очень жадный.
- Уже легче. Жадные люди просто требуют больше денег. Сколько заплатил?

Девчонка снова огрызнулась:

- Не твое дело!

Менес рывкнул в ответ:

- Мое! Я должен знать, сколько предлагать.

Полученный ответ его несколько озадачил. За то золото, что она получила от скупщика, можно бы найти жилье и попримечней... Но интересоваться, куда красавица дела столько шетитов, не время. Махнул рукой:

- Пойдем.
- Я к нему не пойду.
- Дорогу покажешь.

Не хотелось думать, что девчонка врет. На всякий случай Менес все же добавил:

– Если ты меня обманула, и анха у скупщика нет, будешь иметь дело с Гором. Я обещал, что заберу у тебя анх, и убедил его, что ты просто ничего не знала, но это пока.

Она легко двигалась меж слеplенных из чего попало халуп, Менес едва успел следом, невольно любуясь какой-то змеиной грацией новой знакомой и борясь с захлестывающим желанием при виде упругой попки под полупрозрачным калазирисом. Если б не анх!..

Скульптор вдруг подумал, что даже не знает, как ее зовут.

- Эй, тебя как зовут-то?
- Тебе зачем?
- Хочу знать, чью задницу спасаю от кнута.

Она фыркнула, словно кошка:

- На благодарность не рассчитывай.

Менес подумал, что тут не до благодарности, он понятия не имел, где сейчас находится, девчонка завела в самое сердце трущоб, и если вдруг исчезнет, найти дорогу домой удастся не сразу.

- Так как же?
- Незер! Врет, конечно, но хоть что-то.
- Чего ты на меня глазеешь?! – внутри зеленых глаз обжигающее пламя.
- А почему нет? Ты хороша и знаешь об этом.

Незер поморщилась:

- Я не торгую телом.
  - А я тебя и не покупаю. Хуже нет любви, за которую платят шетитами.
- Она не нашлась что ответить, только фыркнула и устремилась вперед еще быстрее.
- Незер, тебе нужно золото?

Девушка остановилась так резко, что Менес едва не налетел на нее, мгновение они стояли вплотную, отчего между ними проскользнула какая-то искра. Еще мгновение, и руки Менеса против его воли заключили бы эту красотку в объятия, почему-то ему показалось, что Незер не стала бы противиться.

Она опомнилась первой, ехидно поинтересовавшись:

- Ты знаешь тех, кому оно не нужно?

Скульптор хотел сказать, что ему, но почему-то не стал, лишь пожал плечами и уточнил:

- Сколько тебе нужно?

Спрашивать зачем тоже не стал.

Она отвернулась, резко бросив через плечо: «У меня есть!» – и поспешила дальше. Менес не сдержал улыбку, теперь он был убежден, что Незер станет его моделью и не только...

Менес понял, куда они вышли, понял и то, как именно шли – Незер провела его через самые страшные трущобы, но вывела в весьма состоятельный район, граничивший с богатыми домами.

– Нельзя обойти?

– Не нравится?

– Время теряем.

– Ты куда-то спешишь?

Он разозлился. Не похоже, чтобы девчонка раскаивалась. К чему помогать такой?

– Спешу выручить твою задницу! Ты, видно, не поняла, что натворила? А будешь продолжать делать глупости, все расскажу Гору, выпутывайся тогда сама.

Незер примирительно пробормотала:

– Ладно тебе... Зря идешь, Шеду не продаст.

– Заткнись, – посоветовал Менес. Строптивость девчонки начала его раздражать.

Хорошо, что они уже пришли, не то кто знает, чем закончились бы пререкания.

– Вон там, – Незер кивнула в сторону довольно неприметной двери. – Постучишь трижды, потом скажешь, что тебя прислал Сену.

– Он поверит? – усомнился Менес.

– Нет, конечно. Ответит, что такого не знает. Ты еще раз скажешь, что пришел от Сену.

И так трижды. После третьего раза пустит. Может быть.

– Давно у тебя Сену в друзьях?

Она дернула плечом:

– Он не друг!

– А кто? Муж? Любовник?

– Не твоё дело.

– Вот навязалась!

– А тебя никто не просит помогать! – Но тут же поняла, что Менес и впрямь может уйти, примирительно, но все же чуть ехидно поинтересовалась: – За что ты выкупать собираешься, у тебя и золота с собой нет?

– Я дурак, носить с собой мешок золота? Или ты надеялась меня ограбить?

– Нужен ты мне!

Менес, не выдержав, рассмеялся:

– Ну ты и штучка! Жди меня здесь. – И вдруг заявил: – Если сумею выкупить анх и спасти твою шкуру, будешь целый месяц мне позировать обнаженной.

Незер не успела возмутиться, скульптор скользнул к нужной двери. Глядя ему вслед, девушка пожала плечами:

– Вот еще!

Но она была не против такой платы за спасение. Скульптор Незер понравился, он был куда приятней Сену, но девушка прекрасно понимала, что не останется в Городе и дня, а потому никакое позирование невозможно, пусть Менес не рассчитывает. Как и на любовь с ней. Незер могла сколько угодно очаровывать мужчин, морочить им головы, завлекать и беззастенчиво пользоваться их расположением, но никогда не дарила и не продавала свое тело. Правда, никто об этом не догадывался, пока ей удавалось ходить по острию лезвия...

День действительно был странным и для Шеду тоже.

Сначала от Сену пришла красotka с анхом сумасшедшей стоимости, теперь явился известный во всем Городе скульптор с просьбой... этот анх продать за любое количество шетитов.

Но Шеду уже понял, что символ настоящий – его горячо держать в руках, и даже понял, чей символ, а потому продавать вовсе не собирался. Настоящий анх бога света в его доме был опасен, потому, затолкав драгоценность на полку в тот самый тайник, который мельком увидела Незер, Шеду глубоко задумался.

В Городе Мертвых с одинаковой вероятностью можно встретить жрецов и поклонников любых богов, в том числе и Гора. Но объяснить богу света, откуда у него самого взялся анх, будет нелегко. Откуда он у самой девчонки? Шеду понимал, что надо бы поинтересоваться у Сену, кто она такая, чем занимается, но сделать это немедленно не получится.

Немного поразмышляв, Шеду вдруг принял очень мудрое, как ему показалось, решение. В Городе есть и жрецы бога тьмы тоже, одного из них – Сетмета – Шеду даже знал. Что, если сделать вид, что не знает, чей анх, и предложить символ Сетмету? От жреца можно получить не только гораздо больше шетитов, чем отдано девчонке, но и содействие в поддержке Сета. Сет уверенно одерживал победу над своим племянником Гором, ему принадлежала власть над большей частью Египта, осталось совсем немного. Шеду иногда не понимал, почему бог Сет не сделает последнее усилие, чтобы одолеть Гора.

Если это произойдет, то благоволение Сета будет для Шеду весьма кстати. Сетмет из тех, кто умеет хранить рыжие тайны, ему можно предложить анх без опасения быть преданным, хотя предать жрец мог кого угодно, в этом Шеду не сомневался.

Верный слуга уже передел скупщика, осталось только сменить сандалии, когда явился Менес.

Мгновение Шеду колебался, он знал, что Менес очень богат и с него можно запросить огромную сумму за анх, но тут же рассудил, что если уж скульптор готов щедро платить, значит, анх того стоит. Еще мгновение скупщик буквально разрывался между желанием отдать анх и забрать шетиты и желанием угодить кому-то из богов.

Он категорически отказался от предложения, объявив, что никакой анх не видел и никакой Незер не знает. Как и Сену.

Если бы Шеду не упомянул Сену, Менес поверил ему, ведь Незер могла и солгать, но скупщик перестарался, объявив, что не ведает, кто такой Сену. Теперь Менес не верил уже ему. Но верил или нет, а анха не получил, даже намек на то, что завтра Гор начнет искать символ сам, и тому, у кого анх найдется, не поздоровится. Незер испугать такой угрозой удалось, Шеду нет.

Менес вышел от скупщика без анха.

Он не ожидал увидеть Незер, понимая, что девушка может сбежать, но красотка ожидала его там, где и оставалась.

– Не продал?

– Нет. Кажется, его даже золото не интересует, – вздохнул Менес.

– Интересует, и еще как! Только не наше, – девушка оттащила Менеса в тень большой сикоморы и указала на дом скупщика.

Дверь дома открылась, оттуда осторожно выглянул слуга Шеду, убедился, что на улице никого нет, и выпустил хозяина. Одетый в скромную тунику и почти без украшений, скупщик был неузнаваем. Выскользнув из дома, он поспешил прочь. Слуга остался подле дома сторожить вход.

Незер сжала руку Менеса, призывая наклониться к ней, зашептала на ухо:

– Отвлеки его... Кажется, Шеду не взял анх с собой. Я знаю, где он может быть.

Еще через мгновение девушки рядом уже не было, Менес даже головой потряс, пытаясь понять, как ей удалось исчезнуть незаметно.

Было понятно, что внутрь слуга до возвращения хозяина никого не пустит, но Незер и не собиралась встречаться с Шеду. Она не зря оглядывалась внутри помещения, когда торговалась со скупщиком, внимательный взгляд заметил возможность попасть в комнату еще одним путем – через небольшой лаз со стороны двора. Оставалось надеяться, что там не сидит другой слуга и не стоит корзина со змеями.

Ни слуги, ни змей не было, то ли Шеду не доверял никому, кроме этого помощника, то ли слишком спешил, чтобы принять дополнительные меры безопасности, но даже маленький светильник в углу не погашен. Света хватило, чтобы безошибочно найти тот самый камень, а за ним тот самый анх...

Немного погодя, услышав крик птицы, которой просто не могло быть в Городе, Менес вдруг заторопился:

– Ладно, не буду я ждать твоего хозяина, поздно уже. Хотел выкупить у него свое же изделие, но... ему золото не нужно, что ли?

– А это ты сделал?

Впервые в жизни Менес солгал:

– Я. Красивый анх, а эта дуреха сказала, что сдала его Шебу за бесценок. Передай хозяину, что все равно готов выкупить.

– Зачем тебе? – усомнился слуга.

– Завтра должен отдать заказчику, – развел руками Менес, досадуя на себя, что не сообразил сказать это же самому Шеду.

Птица закричала еще раз...

Незер появилась из темноты неожиданно, увлекла его в сторону, сунула в руки какой-то горячий сверток:

– Держи свой анх.

– Он не мой, – зачем-то возразил Менес, словно и без того неясно.

– Поспеш, пока этот урод не вернулся.

Дельный совет, анх следовало как можно скорее вернуть владельцу.

– Я живу вон там, – Менес кивнул на свою мастерскую.

– А я тебе ничего не должна! – фыркнула девушка. – Я анх сама раздобыла.

– Может, и Гору сама отнесешь? – ехидно поинтересовался скульптор.

Девчонка примирительно проворчала:

– Неси уж...

Словно это она ему одолжение делала!

Некоторое время они шли молча, потом Незер поинтересовалась:

– Если ты знал, что это Гор, почему сразу меня не остановил?

– Я не знал. Никто не видел Гору без маски. Это потом мне ученик сказал.

– Какой ученик?

Спросила, просто чтобы что-то сказать, но Менес вдруг рассказал ей о Нармере, о том, что бог Тот привел к нему талантливого юношу, попросив обучить своему делу, что у Нармера с первой попытки получается то, чему другие учатся годами, что он умен, красив и... Менес покосился на красавицу:

– Приходи ко мне, я вас познакомлю. Не бойся, не скажу, что это ты украла анх.

– Вот еще! – фыркнула Незер. – Тебе туда, а мне туда...

Менес с трудом сдержал улыбку, в голосе девушки слышалась заинтересованность. Уже через несколько мгновений он понял, что... ревнует! Он ревновал неблагодарную девчонку к своему талантливому ученику. Это было нелепо, но ревновал!

Скульптор уже пожалел, что пригласил красавицу к себе, понимая, что самоуверенные молодые люди запросто столкнутся и ни к чему хорошему эта стычка не приведет. Брала досада на себя такого старого – он, пожалуй, вдвое старше этих юнцов, на то, что не может забыть рассыпь рыжих локонов по плечам, точеную фигурку, что ревнует девушку к своему ученику, хотя ревновать не имеет права, и никакой приязни между молодыми людьми не только не было, но и быть не могло – они не видели друг друга.

Но если увидят?

Менес старше и не так хорош, Нармер подходил этой юной красотке куда больше, они ровесники и оба красивы.

Нармеру и Тоту Менес объяснил, что догадался, у кого может быть украденная вещь. Но как сам заполучил анх, рассказывать не стал, коротко сообщив, что выкупил.

Нармер обрадовался и умчался возвращать анх Гору. Бог Тот в объяснение не поверил, но расспрашивать не стал.

Оставалось радоваться, что все закончилось благополучно.

Но радоваться почему-то не получалось. Станный день заканчивался одиночеством – Менес зажег лампу и взял кусок глины... Этого у него никто отнять не может! Если Незер нет рядом, то ее можно вылепить, над глиной Менес хозяин.

Шеду возвращался домой довольным, несмотря на страшную усталость. Бедолаге никогда не приходилось ходить так далеко, да еще и в одиночку, его всегда несли сильные слуги, а под боком были мягкие подушки.

Но сегодня скупщик забыл обо всем – своих ногах, темноте, даже возможности быть ограбленным, он вообще не думал о происходящем вокруг.

Встреча с Сетметом прошла хорошо, услышав об анхе, жрец с трудом скрыл свой интерес, но Шеду прекрасно знал людей и не пропустил признаки заинтересованности в находке. Сетмет был согласен заплатить двойную цену (Шеду назвал именно ее), а еще обещал всяческую поддержку со своей стороны и со стороны своего Хозяина. Это было для Шеду главным.

Конечно, Шеду боялся мести богов, потому и старался сбыть поскорей, он был готов совершить нелегкое путешествие к жрецу еще раз ночью, такая прыть удивила Сетмета, но он согласился. Оставалось лишь взять драгоценность и снова незаметно пробраться в дом жреца. Шеду жалел, что не взял с собой анх сразу, но его беспокоило, что символ был горячим, словно противился чужим рукам.

Слуга сидел у входа, подпирая дверь спиной.

– Все тихо?

– Да, господин. Приходил только тот самый скульптор, хотел дождаться тебя, но потом ушел.

– Ты не впустил его в дом?

– Нет, он только жалел, что не может выкупить что-то важное. Сказал, что это его изделие и завтра надо отдать заказчику... А что это такое?

– Не твое дело! – огрызнулся Шеду.

Его беспокоило появление Менеса.

– Говоришь, он сказал, что сам сделал эту вещь?

– Да... а еще сказал, что девчонка призналась в продаже его тебе и что взяла слишком малую сумму.

– Себек его заberi! – ругнулся Шеду на Менеса. – Путается под ногами! – Он повернулся к слуге: – Ты сказал, куда я ушел?

Тот удивился:

– Как я мог сказать, если не знал?

– Пойдешь со мной. Посторожи снаружи, – приказал скупщик, закрывая дверь в комнату, где разговаривал с Незер.

«Надо бы поменять место, слишком просто сюда попасть», – подумал он, зажигая дополнительный светильник. Слуга не успел выйти за дверь, как услышал вопль хозяина:

– А! Кто?! Где?!

Шеду стоял перед открытым тайником, пытаясь нащупать что-то внутри.

– Кого ты впускал в дом?!

– Никого. Клянусь Пером Маат, никого! Этот скульптор поговорил со мной снаружи, а потом быстро ушел.

– Поговорил? Ушел?

Трясущимися руками Шеду принялся выгребать из тайника все, что там находилось – на стол и ложе рядом полетели мешочки с шетитами, разные ценности, просто золотые слитки... Но главного – анха – среди них не было.

Получив от верного слуги еще тысячу заверений в том, что скульптор в дом не входил, а никто другой рядом не появлялся, Шеду застыл, в ужасе обхватив голову руками.

Если это сделали не люди, значит... Если анх вернул себе его владлец, то Шеду будет попросту испепелен его гневом в назидание другим. А если постарался жрец Сета, и анх уже у бога тьмы? Скупщик даже зубами заскрипел, ведь это означало, что он и золото не получит, и в приближенные Сета не попал.

Еще хуже – оказался меж двух воюющих богов!

Заскрипишь тут зубами...

В отчаянье он стиснул зубы так сильно, что кончик давно начавшего крошиться переднего зуба сломался, образовав заметную щербину.

Теперь Шебу просто взвыл. Одно из самых страшных уродств – отсутствие зуба или его дефект, чиновник со щербиной во рту не мог открыть этот рот нигде без того, чтобы не вызвать море насмешек со всех сторон. Потеря зуба или хотя бы части его означала потерю должности.

В последнее время Шебу, понимая, что зуб вот-вот сломается, был очень осторожен, ел только мягкую или мелко нарезанную пищу, которую не требовалось откусывать. И каждый день давал клятвы сам себе (богам не решался), что завтра позовет ловкого лекаря из тех, что умеют заменять один зуб другим. Клялся, но клятвы не выполнял, поскольку страшно боялся боли.

И вот теперь зуб сломался!

День поистине выдался ужасным. Почему он не прогнал красивую девчонку, соблазнившись ее грудью? Мало ли аппетитных попок в Городе? Да и парик у нее растрепанный, такие никто не носит...

Он даже не додумал эту мысль, замерев от увиденного. Гист насторожился:

– Что, хозяин?

– Ничего... ничего... – Шеду сделал знак, чтобы слуга поднес ближе масляный светильник.

Лицо Шеду расплылось в довольной улыбке, он осторожно двумя пальцами снял с камня, закрывающего тайник, рыжий выющийся волос. Кажется, Шеду знал, кто именно утащил анх!

Скупщик внимательно оглядел небольшую комнату, пытаясь понять, как могла проникнуть в нее и исчезнуть девушка. Только в узкое отверстие наверху, через которое в помещение проникал воздух. Для этого нужно обладать поистине змеиной гибкостью и иметь сильные руки и ноги, что у девчонки было.

Шеду хмыкнул, присев на край ложа.

Он чувствовал облегчение от того, что в пропаже анха виновата Незер, а не воля кого-то из богов. Девчонка-воровка ловко похитила то, что сама же и принесла. А не было ли это задумано с самого начала? Тогда кто ей помогал?

Сену бессмысленно проделывать такой трюк – направлять к нему девчонку, чтобы потом красть, ведь обменивать анх на золото все равно придется у Шеду. А вот скульптор другое дело.

– Как, ты говоришь, он сказал? Девчонка продала анх за бесценок, а Менес должен утром отдать его заказчику?

Гист осторожно закивал, он пока не понимал ход мыслей хозяина. Даже увидев, как тот старательно прячет что-то в белую ткань, не догадался, что это волос.

Шеду задумался, у него было два пути: немедленно разыскать девчонку и скульптора и потребовать анх обратно или... Конечно, плохо, что такая ценность пропала, за него можно бы получить благосклонность Сета, но связываться с богом тьмы опасно, недолго пострадать. А вот разоблачив девчонку, можно заставить ее отработать свою вину.

Скупщик довольно засопел, а его слуга с изумлением наблюдал, как у хозяина снова вздыбилось схенти.

– Завтра утром поищем девчонку.

«Далась ему эта красotka!» – удивился Гист, но вслух ничего не сказал.

– А сейчас пора спать. – Уже у выхода из своего тайного жилища Шеду милостиво объяснил слуге: – Это она украла анх. Ее волос остался на месте.

– А... – наконец понял, в чем дело, Гист.

Он помог Шеду подготовиться ко сну, продолжая удивляться возбуждению, охватившему чиновника-скупщика.

А Шеду и впрямь оказалось не до сна, невольно придумывал, как девчонка будет заглаживать свою вину. Сцены одна другой заманчивей вставали перед глазами, с каждой минутой становясь все горячее.

Незадолго до рассвета измученный собственным возбуждением Шеду прошел в комнату жены. Нефер была изумлена горячностью и напором мужа, но не сопротивлялась. Визиты Шеду случались так редко, как только ему позволяли правила приличия. На сей раз супругу оказалось наплевать на внешность жены и даже то, что ее лицо оказалось смазанным каким-то противным липким средством для осветления кожи. Правда, надолго Шеду не остался, едва сбросив напряжение, возникшее при мысли о девчонке, удалился к себе, ничего не объясняя.

Так и не спали все трое – Шеду от возбуждения, Менес из-за мыслей о Незер и ревности, а сама Незер...

Незер тоже не могла заснуть, но она в отличие от Менеса ничуть не переживала из-за существования какого-то пусть даже самого талантливого на свете Нармера. Юноша ее не интересовал, тем более утром предстояло отправиться в Шедет, а оттуда... Кто знает, вернется ли она вообще?

Не в силах не только спать, но и лежать, девушка оделась и вышла из своей каморки.

Ноги сами несли ее к мастерской Менеса. Сквозь закрывающую вход тонкую циновку был виден свет – скульптор не спал.

«Не стоит этого делать!» – объявила себе Незер и... взялась за край циновки входа в его жилище.

Менес был один, он что-то лепил. Стоило Незер бросить взгляд на женскую фигурку из глины, так похожую на нее саму, как к щекам невольно прилила кровь – глиняная Незер стояла на четвереньках в очень характерной позе. Скульптор смутился, но фигурку не смял.

– Ты один? А где твой талантливый ученик?

– Нармер ушел к себе. Я один.

Менес не был настоящим отшельником, как могло показаться. В мастерской скульптора нередко неделями жили красивые женщины, многие являлись его моделями, которые совсем не прочь продолжить знакомство после позирования. Он щедро платил и за позирование, и за любовь, но ставил непременно условие: не рожать детей. Вовсе не потому, что не любил малышей, просто считал, что никто не должен жить без отца, как жил он сам. Рождение ребенка у любой из красоток для него означало создание семьи, а этого Менес вовсе не желал делать с доступными женщинами.

Девушка стояла совсем близко, он ловил запах ее волос – не пыльного парика, а живых блестящих волос, запах кожи. Незер чувствовала захлестывающее Менеса желание.

– Ты вернул анх?

– Да, – голос скульптора хрипл от возбуждения. Спокойствие давалось ему с трудом.

– И спас мою задницу? – усмехнулась девушка.

– Да.

– Тогда можешь ею воспользоваться.

– Незер... ты не обязана...

– Менес, до рассвета осталось совсем немного времени.

Она сбросила калазирис, оставшись нагой, и попросила:

– Задуй светильник.

– Нет, ты слишком хороша, чтобы делать это в темноте.

Он был горяч, но притом бережен. Менесу едва хватило времени до рассвета, чтобы утолить свое желание, для этого пришлось брать Незер не раз, но та не возражала. Он наслаждался ее совершенным телом уже не как скульптор, но как мужчина...

Ночь особенно темна перед самым рассветом, однако когда Менес, счастливо улыбаясь, заснул, Незер задумала масляный светильник. То, что она задумала, не стоило освещать даже одним-единственным огоньком.

Немного погодя, выскользнув из мастерской, Незер поспешила туда, откуда с первыми лучами солнца должен уйти караван в сторону Шедета.

– Ты замечательный скульптор и прекрасный человек, Менес. И любовник хороший, но тебе не хватает властности, – вздохнула она, поводя плечами от прохладного предрассветного ветерка. – Разве так подчиняют себе женщину? Ни одного следа не останется.

Ани глубоко вздохнул и занес свое стило над дочечкой. Ему предстояло поведать потомкам, каким стал Египет, и рассказ этот тяжелый...

«Я должен поведать то, что гнетет, и сбросить со своих плеч этот тягостный груз...

Страна охвачена переменами. Сегодня уже не то, что было год назад, каждый последующий год тяжелей предыдущего. Страна ввергнута в хаос, справедливости уже нет, зло царит повсюду. Страна погружается в нищету, повсюду горе и бедствия. Города гибнут, стены их разрушены, домов нет, словно никогда и не бывало. Люди превратились в преступников, они поворачиваются спиной ко всему, что читали раньше... Сердца людей ожесточились, они посягают на имущество своих братьев. С кем мне говорить сегодня? Доброта исчезает, в мире царит жестокость, не осталось больше справедливых людей...»

Табличка за табличкой покрывались иероглифами, повествуя об изменениях, которые вот-вот погубят некогда цветущую страну.

Глава 3

Менес привычно проснулся до рассвета. Несколько мгновений лежал, пытаясь понять, не приснилась ли Незер, ведь ложе рядом с ним пустовало.

Нет, не приснилась, все вокруг еще пропитано ее ароматом. Конечно, досадно, что красавица ушла, он был бы не прочь повторить ночное приключение, и не раз. Хотя нет, скоро придет Нармер, значит, нужно сходить на берег Хапи, умыться, принести воды и купить лепешек.

Менес вздохнул: ладно, любовь оставим до вечера. Он знал, где живет строптивая красавица, значит, сможет навестить ее сам, чтобы предложить перебраться в мастерскую. Честно говоря, то, что Незер не пришлось выпроваживать, как некоторых слишком привязчивых моделей, ему даже понравилось. Если за добычей нужно побегать, она становится ценней. Независимость девушки скульптору пришлась по душе.

Менес вскочил на ноги, торопясь на берег реки, чтобы с рассветом начать новый, как он ожидал, прекрасный день. Воспоминания о чудесной ночи заставляли его мечтать о следующей, многих таких же или еще лучше...

На берегу он приветствовал появление небесной колесницы Ра радостным криком, спугнувшим не только птиц, но и парочку крокодилов. Даже старый приятель, на сей раз не полувивший своего цыпленка (зато рыбы оказалось в ведре целых три), укоризненно посмотрел на скульптора, недоумевая, чему можно радоваться. День как день...

Менес не стал таиться от приятеля, доверительно сообщив тому:

– Я встретил такую красотку!..

Крокодил медленно прикрыл глаза, словно принимая новость к сведению, но это его мало удовлетворило. Пришлось добавить информации:

– А какая она любовница...

Рептилия развернулась и исчезла в прибрежных зарослях.

– Тебе не понять! – заорал ему вслед Менес и поспешил в мастерскую.

Возле входа его ждал Нармер, но смотрел юноша как-то странно. Это насторожило Менеса:

– Что, анх не тот? Или Гор остался недоволен?

– С анхом все в порядке. И Гора удалось убедить никого не наказывать. Менес, у тебя кто-то ночевал?

Скульптор невольно расплылся в улыбке:

– Да. Это была мечта. Нармер, я вас обязательно познакомлю. Она красотка, каких в Египте больше нет.

– Ты видел, когда она ушла?

– Нет. – Нармер насторожился, неужели Незер все-таки влипла в неприятности?

– Тогда прочти это, – юноша протянул учителю табличку с наспех нацарапанным текстом. – Похоже, мечта дорого тебе стоила.

Менес схватил табличку.

Текст на ней гласил:

«Менес, прости, я все верну, когда вернусь сама».

Написано неровно, явно в спешке, но рука уверенная, не ученическая. Мелькнула мысль, что девушка хорошо знает грамоту.

– Что она вернет?

Нармер пожал плечами:

– Не знаю, посмотри, что пропало.

Пропала часть золота из мешочка, который Менес предназначал для выкупа анха.

Скульптор никогда не ценил шетиты, с детства поняв, что всего можно лишиться в один миг, как и все приобрести. Его ужаснула не кража, а то, что Незер взяла тайно, и куда больше ее исчезновение. Менес готов был отдать все, скажи Незер хоть слово, зачем же брать тайно?! И где теперь ее искать?

Кажется, последнюю фразу он произнес вслух. Нармер поморщился:

– Зачем тебе какая-то воровка? Хорошо, что Гор не стал дознаваться, кто украл.

– Да, ты прав, ни к чему...

Но уверенности в голосе скульптора не было.

Как и толку в его работе, все валилось из рук, Менес был слишком рассеян, чтобы учить. На глаза попала скульптурка, изображающая Незер в сладострастной позе, которую он лепил, когда девушка пришла в мастерскую. Наверняка Намер заметил.

Менеса охватила ярость, в следующее мгновение осколки глиняной Незер разлетелись в разные стороны от стены. Нармер поднял один, это была головка.

– Это она? Красивая...

Менес в сердцах пнул ногой ведро, по полу разлилась вода.

Немного погодя, выйдя из мастерской, Нармер спокойно пообещал угрюмо сидевшему на камне у входа учителю:

– Я приду завтра.

Менес только кивнул.

Он никак не мог прийти в себя после случившегося. Такой любовницы, как Незер, у него еще не бывало. Дело не в ее умении или фантазии, а в совершенстве во всем. Даже если она глупа, чего Менес не допускал, ведь нацарапанная записка была выполнена грамотно и даже изящно, это можно бы простить, но скульптору очень не хотелось думать, что девушка его просто использовала. Очаровала и обворовала. Он готов отдать все золото, что имел, стоило лишь попросить, но Незер предпочла украсть и сбежать.

Менеса захлестывала обида.

Он не подозревал, что это только начало неприятностей.

Шеду тоже проснулся рано, хотя заснул перед самым рассветом.

К изумлению слуг, приказал себя одеть в нарядное, но строгое схенти, долго выбирал украшения, наспех подкрепился и позвал к себе Гиста.

Сначала Шеду решил, что отправится к девчонке сам, но подумав, решил, что это слишком. В результате искать Незер пошел Гист. Пошел и пропал, помощника не было полдня, Шеду успел разозлиться, проголодаться, поесть, вспотеть, принять ванну, снова одеться и даже подвести глаза малахитовой пылью, еще раз поесть, а Гист все не возвращался.

Но и когда помощник наконец появился, Шеду ничего хорошего не услышал. Девчонка исчезла! Она не ночевала дома, ее нет нигде в Городе.

– Ее прячет в своей мастерской Менес! – пришел к выводу скупщик. – Если девчонка украла анх для него, то там ее и надо искать.

Следующий час Гист крутился подле мастерской Менеса, даже сделал вид, что хочет заказать что-то. Менес узнал помощника Шеду, а на вопрос о Незер ответил, что сам хотел бы знать, где она. Почему-то Гист ему поверил.

Зато не поверил Шеду, которого бесило положение, в которое он попал. Никогда еще никому не удавалось обмануть Шеду, всегда в выигрыше оставался он. А тут какая-то девчонка и скульптор надеются обвести вокруг пальца столь опытного и состоятельного человека? Менес, конечно, богат, но не настолько, к тому же он всего лишь скульптор, а Шеду чиновник!

Жара, злость и жадность сыграли с Шеду плохую шутку, чем больше он ждал и думал, тем яростней становился, его захлестывало желание отомстить за обман любой ценой. Шеду даже

не задумался, чем ему самому грозит такое разоблачение, а когда на это попытался намекнуть Гист, и вовсе взревел:

– Я уничтожу этого скульптора!

Немного погодя массивный браслет из запасов тайника Шеду переключал на толстую руку чиновника, вершившего суд в Городе. Шеду брал взятки сам и прекрасно знал, кого и за сколько можно купить. Еще один браслет был припасен для второй взятки.

Чиновник Тети выслушал сбивчивое объяснение о краже с изумлением. Разве у Шеду мало слуг? Разве плохая охрана дома? Почему он так уверен, что украл скульптор Менес? Менес никогда таким не занимался, ему достаточно своего. К тому же он не делает украшений из золота и драгоценных камней, его стихия просто камни, он же скульптор.

Шеду понял, что осложнил себе жизнь, но отступить было поздно. А Тети, почувствовав, что случайно получил в руки возможность подчинить себе заносчивого Шеду, уже не отступал, пока не узнал главного. Скупщику пришлось признаться в своем втором ремесле. Конечно, он объяснял, что всего лишь в первый раз попытался купить золотое изделие у понравившейся девчонки, которую приметил себе в любовницы, потом – что Менес пришел сам, пытаясь это украшение выкупить, а потом оно пропало...

Чем больше Шедуверял в свои тайны Тети, тем больше запутывался. Но, вызнав все, что хотел (остальное можно узнать позже), Тети обещал помочь и немедленно отправил к Менесу стражников с требованием прийти в дом чиновника!

Город странное место, это граница владений двух враждующих богов – Гора и Сета, а потому в нем есть храмы и того, и другого, но никто из жрецов не мог похвастать, что ему отдают предпочтение. Вернее, предпочтение отдавали Анубису, богу с головой шакала, рожденному Нефтидой от Осириса обманом и отвечающему за препровождение Ка умерших в загробный мир и на суд богов.

В результате получалось безвластие, поскольку если много, значит, никто. Дела Города были отданы чиновникам, а боги если там и бывали, то никто об этом не знал.

Такое положение давало надежду Шеду, что Тети сумеет своей властью заставить Менеса вернуть анх и девчонку. Теперь Шеду не собирался не только жениться на ней, но и брать на ложе, слишком много неприятностей доставила. Он еще припомнит ей нож, приставленный к горлу!

Но пока следовало разобраться со скульптором. Теперь уже не анх или золото, отданное за него, волновали Шеду, а возможность наказать обманувших его людей.

Нармер решил, что оставлять Менеса одного в таком состоянии, каком тот был утром, не стоит, а потому отправился к учителю, якобы за советом. Но, подойдя к мастерской, увидел странную картину – Менеса уводили стражники!

– Менес, что случилось?

– Меня обвиняют в краже... некоей вещи у Шеду. Присмотри за мастерской...

Хороший совет, потому что Нармеру пришлось буквально выставить оттуда желающих поживиться.

Все обвинения Менес отрицал, а потому на утро было назначено разбирательство на малой площади Города.

Шеду словно с ума сошел, он был готов на все, лишь бы наказать Менеса, а потому не думал, что творит. Он настоял на таком разбирательстве, желая отправить своего обидчика на каменоломни. Зря Тети убеждал его, что делать этого не стоит, Шеду не желал ничего слушать.

Утром поглазеть на суд над Менесом собралась довольно большая толпа, несмотря на то что стража пускала на площадь далеко не всех. Из тех, кто был знаком с Менесом, не нашлось поверивших в его способность что-то украсть. Но, как у любого успешного человека, у скульп-

птора было немало завистников, к тому же по толпе пополз слух, что во всем виновата какая-то красотка, мол, это ради нее Менес и решился на преступление.

Увидеть своими глазами несчастного скульптора, опустившегося до воровства ради шлюхи, собралась половина женщин Города. Вторая просто не узнала о суде вовремя.

На больший позор для своего обидчика Шеду и не рассчитывал.

Менес уже осознал, в какое положение попал, а потому был спокоен:

– Да, я пытался выкупить у тебя ценную вещь. Но ты же не продал ее мне? Я приходил к твоему дому вечером, вернее, к тому дому, в котором ты ведешь свои грязные дела. Но твой слуга сказал, что ты ушел и вернешься не скоро. Я не стал дожидаться.

Шеду кричал, брызгая слюной из-за щербины в зубе:

– Он все разведal, а потом украл то, что я не стал ему продавать!

Кто-то из чиновников поинтересовался:

– А что ты не стал ему продавать?

Шеду замер, но тут же ткнул пальцем в Менеса:

– Пусть он скажет! Пусть ответит.

Ответить Менес не мог, а вот Шеду мог. Если он ответит, все узнают о том, что анх Гора целый день был в руках этого слизняка! Повисла тишина, Менес молчал.

И тут...

Тишину пререзал громкий голос, на который невольно повернулись все:

– Не эту ли вещь ты не пожелал продавать Менесу?

Шеду резво метнулся навстречу Нармеру, вышедшему в людской круг:

– Да, эту!

– Нет, что ты, это всего лишь раскрашенная глиняная поделка. Настоящий анх у бога света Гора. А вот почему он побывал у тебя?

Нармера ничуть не смущали ни стражники, ни присутствие чиновников, ни любопытная толпа.

– Кто ты такой?! – не выдержал Тети.

– Я? Нармер, сын Гора. – Толпа ахнула. Юноша и впрямь отличался ростом, большим, чем у многих взрослых мужчин, был уверен в себе. Он окинул взглядом притихших из боязни пропустить хоть слово людей и продолжил: – И хочу рассказать вам интересную историю. Два дня назад у моего божественного отца украли анх.

Теперь мысленно ахнул Менес. Нармер спасает его ценой гибели Незер. И хотя девчонка обманула его, скульптор не желал ее наказывать.

– Не знаю, кто украл, но анх оказался у Шеду, – рука Нармера указала на скупщика.

Тот заверещал:

– Ложь! Ложь!

Нармер изумленно поднял брови:

– Что ложь? То, что анх был у тебя?

Понимая, что попал в ловушку, Шеду замельтешил:

– Нет! Да!

– Ты обвиняешь Менеса в краже, но чего? Назови вещь, в краже которой ты его обвиняешь. Если это вот такой же анх, – Нармер поднял искусно выполненную копию из глины, – то объясни, как он оказался у тебя. Это очень заинтересует моего отца Гора.

Лицо Шеду покрылось красными пятнами, Тети отшатнулся от незадачливого приятеля, старательно делая вид, что вообще не знаком с ним, а толпа уже хохотала.

– Ну, так ты скажешь или признаешь, что Менес никогда ничего у тебя не крал, а обвинил ты его зря?

Шеду закивал:

– Не крал. Нет, ничего не крал.

Он то кивал, то мотал головой, то соглашался, то отрицал.

Нармер поднял руку, призывая к тишине, толпа послушно затихла.

– Ты, Шеду, признаешься, что зря обвинил скульптора Менеса в краже у тебя какой-то ценной вещи, так?

Шеду снова закивал, ведь Нармер больше не упоминал анх:

– Да, так.

– И немедленно выплатишь Менесу двести шетитов.

– За что?!

Юноша развел руками:

– За оскорбление. За то, что он провел ночь не дома, а под стражей. За то, что стоял вот тут и выслушивал твои ложные обвинения.

После каждого предложения толпа восторженно выла, Нармер делал знак, все замолкали, и он продолжал:

– Думаю, двести шетитов будет маловато... Но Менес не жадный, он согласен всего на триста.

Толпа взвыла от восторга, а Шеду от возмущения:

– Ты сказал двести!

– Ты торгуешься? – зеленые глаза юноши насмешливо блестели. – Сейчас будет четыре-ста.

– Хорошо, триста! – Шеду уже понял, что с Нармером лучше не связываться.

Но юноша сделал еще один подарок Менесу, он наклонился ближе к Шеду и сообщил тихо, чтобы никто, кроме него, не услышал:

– А анх у тебя забрал сам Гор. И за тобой проследит тоже. Не вздумай сделать что-то плохое Менесу, даже подумать о нем плохо. Понял?

Шеду снова кивал и кивал, сказать что-то из-за вдруг охватившей икоты бедолага не мог.

– Нармер, спасибо, ты меня спас, не то тесать бы мне камни в каменоломне.

– Ладно, чего уж там, – усмехнулся юноша.

– А что ты ему сказал? Из-за чего Шеду побледнел?

– Сказал, что ты под защитой Гора и что Гор сам забрал у него анх. Пойдем, Тот ждет. У него хорошее известие.

– Еще один ученик? – рассмеялся Менес.

– Нет, для нас есть работа. То есть ты будешь делать, а я тебе мешать. Ну, и учиться, если только ты не приведешь в мастерскую еще какую-нибудь красотку, которая обманет тебя.

– Что за работа?

– Узнаешь...

Человек-павиан действительно сидел на камне и, почесываясь, разглядывал безоблачное небо.

Менес только успел подумать о том, что он там нашел, как бог мудрости возопил:

– Где ты был? – Но слушать ответ не стал. – Менес, Исида хочет, чтобы ты создал огромную скульптуру льва с головой человека.

– Кто?! – обомлел Менес.

Нармер хитро улыбался.

– Исида. Ты... вы с Нармером должны сделать огромного Сфинкса, чтобы поставить его перед всей долиной. Богиня обещает наделить его способностью защищать Египет от врагов.

– Это ты договорился? – поинтересовался Менес у Нармера.

Юноша широко раскрыл глаза:

– Менес, что ты говоришь? Разве с Исидой можно договориться? Богиня видела твои работы и знает, что лучше тебя никто не сделает. А я... Я всего лишь вовремя к тебе пристроился. Возьмешь в подмастерья?

Менес не был склонен шутить, его интересовало дело:

– Какого размера должен быть Сфинкс и где брать камень?

Павиан кивнул:

– Вот это разговор мастера. Не то, что ты, болтун! – фыркнул он на Нармера. – Есть одна задумка. Пойдем, покажу.

Увидев огромную скалу, Менес поморщился:

– Здесь добывать камень?

– Нет, эта скала должна превратиться в Сфинкса.

– Целая скала?!

Нармер не удержался, чтобы не вмешаться:

– Маловата? Может, поискать что-то побольше?

– Нармер, ты хоть представляешь, сколько здесь работы?

Но того не прониять, уже разровнял песок и принялся рисовать.

– Смотри, он должен стоять, глядя на восход. Скала позволяет, я вчера проверял...

– Когда ты это делал?

Юноша стер нарисованное, снова разровнял песок и набросал другого льва.

– Вчера утром я пришел к тебе, чтобы позвать сюда, но ты был так расстроен обманом этой красотки, что совсем потерял голову. Может, хоть сегодня о ней забудешь?

Менес покачал головой:

– Нет, ни сегодня, ни завтра, никогда не смогу. Но это не будет мешать работе. Показывай, что ты там нарисовал.

Нармер, ворча, что даже самые сильные и умные мужчины становятся воском в руках беспутных женщин, разровнял еще одну площадку. На них со стороны смотрел бог-павиан. Убедившись, что мастер и подмастерье прекрасно обойдутся без него, Тот просто исчез, словно растворившись в душном мареве, которое уже обволокло все вокруг.

– Тот пообещал, что нам будет помогать сотня каменотесов. Нужно только наставлять их. А потом еще присоединятся шлифовщики...

– А лицо?

– Что лицо?

– Нармер, чье лицо будет у Сфинкса?

– Твое, чье же еще? – удивился юноша.

– Ну уж нет! Это, – Менес показал на скалу, – на века, а я не заслужил, чтобы мной тысячи лет любовались потомки.

Нармер скептически оглядел учителя:

– Ты очень даже неплох, разве что безволен...

– Если ты сейчас снова заведешь разговор о Незер, я тебя побью.

– Незер... Ах, Незер... Ох, Незер... Слаще тебя нет ничего на свете...

– Нармер!

Юноша, хохоча, разровнял ногой песок и позвал:

– Пойдем в мастерскую, это все надо сначала сделать в глине, я верно говорю?

Менес смотрел на ученика и думал о том, что Нармер действительно сын бога. Слишком умен и рассудителен для своего возраста, слишком схватчив, слишком опытен, словно прожил не шестнадцать лет, как выглядит, а три раза по шестнадцать.

Нармер вел себя как мальчишка, но рассуждал как умудренный опытом человек, так не мог простой смертный, значит, юноша прав – он сын бога Гора. Менес решил, что ему повезло, что Тот привел к нему этого юнца с мудростью старца.

Несколько следующих дней они лепили и лепили возможные варианты львов с человеческими головами, львы стояли, сурово глядя перед собой или вдаль, наклонив голову или чуть повернув ее, смотрели на небо или раскрывали пасти, словно угрожающе рыча...

Отправлялись на скалу, подолгу стояли на ней, глядя на восток, дважды даже встречали там восход, приветствуя Небесную ладью Ра, vyplывающую из-за горизонта.

Это было удивительное место – что на запад, что на восток далеко-далеко тянулась земля. Только на западе была пустыня, вернее, цветущая саванна, которую Сет превратил в пустыню, она раскинулась до самого океана. Что дальше – не знал никто.

На востоке тоже пески и до Нила, и за ним. И тоже до горизонта. Жрецы говорили, что там есть небольшие озера, а за ними снова бескрайняя пустыня. Дальше живут воинственные племена, где убивают каждого, кто только ступит на их землю, потом снова пустыня до высоких гор до неба, которые и есть предел земли. Что за пределом – тоже неизвестно.

Звезды в небе можно собрать в созвездия, за их ночным движением наблюдать, по движению в течение года предсказывать разлив Нила, изменение ветров, но поведение пустыни предсказать нельзя. Хозяин пустыни – бог Сет. Гор бог света и власти, а Сет словно его противоположность, он бог тьмы, песков, гибели, а если власти, то черной.

Богиня Исида – сестра и жена Осириса, мать Гора и ярая противница своего брата Сета, если бы не они с Гором, люди давно погибли. Осирису за учебу египтяне были благодарны, на Гора и Исиду надеялись, а Сета боялись. Город на самой границе владений Сета и Гора, здесь влияние бога тьмы не так велико, зато сильно влияние Гора и Икиды.

Исида повелела изваять Сфинкса – человекольва, который стал бы защитником Египта, но каким желает видеть это существо, не сообщила. Менес с Нармером не должны ошибиться, и дело не в испорченной скале и потраченном напрасно труде, уже сейчас чувствовалось, что Сфинкс станет каким-то символом. Только вот каким?

Пока символа не получалось, глиняные львы были хороши почти все, но Менес безжалостно разбивал их одного за другим, чувствуя, что это не то. Нармер молча наблюдал. Они лепили львов снова и снова разбивали. Лапу вперед... чуть дальше... не то... а если голову немного повернуть, чтобы смотрел в сторону? Снова не то...

Огромный орикс стоял на вершине песчаной дюны и с удивлением наблюдал за двумя крошечными фигурками двуногих, которые суеились вокруг большой одиноко стоящей скалы. Эти двуногие были здесь не впервые, но опасности не представляли, это орикс понял еще в прошлый раз. Не охотники, хотя и преградили путь стаду к водопою. Ориксы уже напились и сегодня в воде не нуждались, вожак просто наблюдал за людьми, пытаясь оценить степень угрозы, исходящей от них.

Это сильный коричнево-рыжий самец с белым животом нервничал, что выдавали опущенная голова с огромными заостренными рогами и ходивший ходуном хвост, черная кисточка, на конце которого то и дело хлопала по бокам.

Дело в том, что кроме этих двух уже привычно суеившихся у скалы появилось еще много других двуногих. Появились и, похоже, уходить не собирались. Напротив, они стали что-то делать со скалой!

Значит, ориксам надо уходить, чтобы не стать добычей их луков со стрелами. Но куда? Речки и озера пересохли, воды оставалось все меньше, приближаться к большой реке опасно – там много двуногих. Ноздри орикса раздулись не только для того, чтобы как можно больше раскаленного солнцем воздуха прогнать через большие пазухи, но и от ярости. Дыхание стало неровным. Мелкие никчемные чужаки занимали его территорию, но даже он, мощный, способный убить любого сильного противника, был перед этими двуногими бессилен.

Вернее, орикс мог бы ринуться в бой и попросту разметать своими огромными острыми рогами этих наглецов, но он знал, что завтра придут другие, потом еще и еще. Он не боялся погибнуть в бою, но его гибель будет означать гибель стада, в котором не так много сильных самцов.

Неужели придется уходить со знакомых мест, уступая территорию более слабому, хотя и многочисленному противнику? У противника имелось то, чего не было даже у вожака, – двоегие умели поражать на расстоянии, не позволяя приближаться для удара. С этим не поспоришь. Но погубить свое стадо он не даст, если для сохранения молодняка его придется увести подальше и отвоевывать новую территорию у других ориксов и даже сражаться с хищниками, вожак был готов сделать это.

Орикс прав – вокруг скалы началась суeta, предшествующая основной работе: рассчитались подходы, ставились палатки тех, кто будет стесывать снаружи самый большой объем, чтобы мастер приступил к работе уже не с целой скалой, а с готовым, пусть и грубым приближением к будущей скульптуре.

Беда в том, что мастер так пока и не знал, как будет выглядеть эта скульптура.

Прошла неделя, а глиняное изваяние Сфинкса, достойное поручения Исиды и задумки Менеса с Нармером, так и не создано. Определять будущие контуры изваяния не по чему.

Менес мял в руках глину, задумчиво глядя на огонь, а Нармер, в одном крошечном рабочем схенти и без украшений, устало рухнул на ложе, заложив руки за голову. Некоторое время они взирали один на пламя, а другой на потолок молча, и вдруг Нармер заявил:

– Он должен лежать!

– Что? – не понял Менес.

– Сфинкс должен не стоять, а лежать! – Нармер перевернулся на живот и добавил, глядя горящими глазами на скульптора: – Почему у нас величия не получается? Потому, что Сфинкс неспокоен. Скучающий лев, лев напряженный, лев гневный... А он должен быть величаво спокоен.

Менес немедленно добавил в руки глины и принялся что-то лепить.

– Менес, нет, не на боку или спине, пусть лежит на животе, вот так! – Нармер попытался изобразить довольно нелепую позу для льва.

– Львы так не лежат!

– Но он же не просто лев, он Сфинкс.

– Животные в такой позе униженно подползают, если чувствуют себя виноватыми.

– А ты сумей сделать так, чтобы Сфинкс оглядывал свои земли или ждал появляющуюся ладью Ра.

Менес снова взялся за глину.

Через некоторое время на столике перед ним лежал лев, но только без морды. Его тело едва заметно напряжено, словно Сфинкс действительно чего-то ждал.

Нармер в очередной раз крутнулся на ложе, и схенти сползло с бедер юноши. Менес невольно залюбовался сильным, красивым телом. Боги не пожалели для сына Гора ничего...

А юноша, не обращая внимания на отсутствие одежды, присел перед столиком, взял ком глины, старательно размял и принялся лепить лицо Сфинкса. Человек редко узнает свое изображение, но Менес не ошибся – лицо Сфинкса не было его копией.

– Кто это?

Нармер пожал плечами:

– Не знаю, привиделось. Я его во сне видел несколько раз. Надо у Тота спросить.

– Угу, – согласился Менес, откидывая голову на сцепленные кисти рук и с удовольствием любясь получившейся скульптурой. Она стояла таких мучений – человеколев действительно был властно спокоен и уверен в себе. Он чего-то ждал, но ожидание не тревожное, словно

точно знал, что ожидаемое наступит. Удивительно пропорциональное лицо было совершенно. Менес подумал, что это скорее лицо бога, чем человека.

Утром пришедший к своим подопечным Тот сначала восхищенно ахнул, увидев скульптуру, потом напрягся и поинтересовался:

– Что за лицо?

Юноша повторил то, что сказал Менесу:

– Я видел его во сне. Запомнилось. Менес не хочет, чтобы мы делали Сфинкса с него.

Бог мудрости повел себя странно, он смочил руку и решительно смазал большую часть лица:

– Потом решите, чье оно будет. Пока пусть так.

Скульптор и его ученик не возражали.

Поработать у самой скалы не удалось – Город накрыла песчаная буря.

Маясь от безделья, Менес попробовал лепить хоть что-то. Это «что-то» выходило очень похожим на Незер, не в сладострастной позе – просто стоящую девушку. Нармер, увидев плод стараний мастера, не удержался:

– Не можешь забыть?

– Не могу.

– Менес, она тебя обманула, обворовала, из-за нее ты чуть не попал на каменоломни. Сколько можно думать об этой дряни? Она воровка, и все!

– Нармер, ты мудр не по годам, но ничего не понимаешь в любви.

– Любовь! Придумали себе это, чтоб объяснить неумение справиться с собой. За что любить ту, что тебя предала?

– Любят не за что-то, а иногда даже вопреки, – вздохнул Менес.

– Вот ты ее вопреки здравому смыслу и полюбил! Менес, очнись, эта воровка не стоит и твоего мизинца. Да, она красива, судя по твоим фигуркам, возможно, опытная любовница, но ведь она обманщица!

Но чем больше и горячее убеждал Нармер, тем больше Менесу хотелось еще хоть раз прикоснуться к нежной коже Незер, запустить пальцы в рыжий водопад ее волос, уловить ее аромат...

– Знаешь, она не может быть просто обманщицей. Если хотела украсть и сбежать, зачем писать записку?

– Совестливая дрянь! – фыркнул Нармер.

– Нет, у нее что-то не так. В ней какой-то надлом.

И снова Нармер возражал:

– Все у нее не так. Красивые девушки не бродят по Египту сами по себе. Где ее родители? Где семья?

– А где твоя?

Менес вовсе не хотел обидеть Нармера и едва не начал извиняться, увидев, как тот замер, глядя в пространство. Но сказать ничего не успел, Нармер со вздохом заявил:

– Я не помню свою мать. Совсем не помню, понимаешь. А отец точно Гор. Помню только Тота, он хороший, хотя иногда слишком требовательный.

– Нармер, я не это хотел сказать. Я тоже плохо помню своих родных, меня воспитал мой учитель. Нам с тобой повезло – попали к хорошим людям, получили от них многое. А если ей нет? Я не знаю ни откуда она, ни чем вообще занимается. Но не воровством. И в ее жизни какая-то трагедия. Вот куда она исчезла? Мне не нужно золото, которое Незер забрала, я хочу знать, куда она уехала и зачем ей столько золота.

– Менес, ты не сможешь сделать спокойного и величавого Сфинкса, если твое Ка будет грезить этой девушкой. Но готов ли ты узнать о ней что-то дурное?

Менес задумался, потом кивнул:

– Даже это готов. Лучше тяжелая правда, чем никакой.

– Так узнай и успокойся, наконец!

Пока мела песчаная буря. Менес воспользовался советом своего юного мудрого ученика и отправился к Сену. Если кто-то и знал о Незер, так это он.

Но Сену если и знал, говорить ничего не стал, пожал плечами:

– Я ее не видел с того дня, как и ты.

Пришлось уйти ни с чем. Но через две улицы от старого дома, где собирались люди Сену, Менеса догнал мальчишка:

– Менес, я Хеку. Сену сказал догнать тебя и тайно рассказать о том, что я видел.

– А что ты видел? – Честно говоря, тон мальчишки насторожил скульптора.

– Не ищи Незер, она связана с Сетом.

– Почему ты так говоришь?

– Я дважды видел ее у дома жреца Сета. Этот дом справа от храма бога тьмы.

– Когда ты ее видел? – спросил, чтобы что-то спросить. Менес еще не успел осознать услышанное.

– В тот день, когда исчезла, и за два дня до него.

Менес возвращался в мастерскую совершенно потерянным. Все складывалось в неприглядную картину.

Если девушка и впрямь связана со жрецом Сета, то она и анх могла украсть нарочно. Но тогда зачем понесла его Шеду? А потом снова украла и отдала самому Менесу? Что-то в этом не складывалось.

К тому же сердце подсказывало, что Незер не поклонница бога тьмы.

Вспомнил, какой потерянной она выглядела, когда поняла, что украла анх у самого Гора. Как потом рисковала жизнью, чтобы вернуть. Да, Незер украла и у него, но кто знает, что именно заставило девушку так поступить?

Нармер встретил его настороженно:

– Узнал, где твоя красавица?

– Нет, но зато понял, кто это знает.

Он достал из-за ложа еще один мешочек с шетитами и собрался уходить.

– Скажи хоть, куда ты, а то окажешься на каменоломнях раньше, чем я успею тебя вытащить.

– К жрецу Сета.

– Куда?! Твоя красотка еще и служит Сету?

– Нармер, – присел на табурет Менес, – подумай, если бы это было так, разве она понесла анх Шеду? Нет, отдала бы этому Сетмету.

Юноша вздохнул:

– Ты прав, но она мне все равно не нравится. Что-то не то в ее красоте. Ненавижу таких женщин!

– За что? – изумился скульптор.

– За то, что сбивают с толку таких мужчин, как ты! Не задерживайся, чтобы мне не пришлось звать Гора на помощь.

– Не придется! – твердо обещал Менес, шагая за порог мастерской.

Храм Сета невелик, хотя Город – его владения. И дом жреца Сетмета мал, зато огромен сад при доме.

Только глянув на состояние деревьев, дорожек, кустов и цветов, Менес понял, кто наслал на Город песчаную бурю – в саду Сетмета не было ни единой лишней песчинки, ветер словно обходил его стороной.

Вечер еще не наступил, но приходить без приглашения к такому человеку не стоило и днем. Однако Менес решительно направился к воротам и постучал.

Открыли тут же, слуга молча разглядывал неожиданного гостя.

– Передай хозяину, что мне нужно с ним поговорить. Немедленно. Я скульптор Менес.

– Я знаю, – кивнул слуга и сделал приглашающий жест.

Хозяин дома был высок, худощав и очень похож богомола – одни жилы. Кустистые брови настолько густы, что глаза под ними разглядеть просто невозможно. На худых руках браслеты с символами Сета и красными камнями, по подолу схенти и передника тоже красная полоса. Голова гладко выбрита, на затылке татуировка знака Сета.

– Что привело тебя ко мне?

Менес решил не тянуть, наверняка этот черно-красный паук давно все понял.

– Меня интересует девушка – Незер. Она исчезла...

– Украл у тебя что-то? – голос у Сетмета чуть скрипуч, словно ветер шевелил старый папирус.

– Я хочу всего лишь узнать, кто она. И что за тайну скрывает.

Сетмет усмехнулся:

– Любая тайна стоит золота.

– Скажи, сколько ты хочешь, и я заплачу.

Жрец запросил с Менеса столько же, сколько с Незер, но скульптор не торговался, просто швырнул Сетмету мешочек с шетитами, не считая, хотя там было больше запрошенного. Жрец поймал золото, по весу понял, что не прогадал, и потребовал:

– Ты никому в Городе не расскажешь то, что услышишь от меня. Хотя бы в ближайшие дни не расскажешь.

– Говори! – приказал скульптор. Он вовсе не собирался ничего обещать этому скорпиону в обличье жреца.

– Незер совсем ничего не говорила о себе?

– Если бы рассказала, стал бы я тебя спрашивать? Говори!

– Я просто хотел понять, что тебе уже известно. Она была жрицей в храме Хатхор в Дандаре.

У Менеса внутри все сжалось, вот откуда у девушки такой опыт в любви! Значит, чувство его не подвело, Незер и впрямь познала немало мужчин. Но жрец возразил на невысказанную боль Менеса:

– Нет, она не успела послужить, родила от первого же очень дорогого богине гостя.

Час от часу не легче!

– У Незер есть ребенок?!

– Да, сын. Но малыша забрали у матери еще младенцем, так поступают всегда в храмах. Ей сказали, что малыш умер, но строптивая девчонка не поверила и отказалась служить Хатхор, пока не узнает все подробно.

Менес почувствовал некоторое облегчение. Незер все же заслуживала уважения.

Внимательно глядя на скульптора, жрец продолжил выдавать тайны красавицы:

– Конечно, в храме ничего не сказали, но нашлись те, кто шепнул, что правду знаю я. Тогда эта девчонка сбежала из храма и явилась сюда, чтобы...

– Это тебе она отдала деньги, которые получила за анх!

Менес невольно запнулся, сообразив, что выдал Незер, его душила досада. Скажи Незер о своей тайне, не пришлось бы ничего красть, этого черного паука вполне можно купить за золото.

– И что же за тайну ты знал? На мгновение Сетмет усомнился, не запросить ли еще золота, но бросил взгляд на сильные руки скульптора и решил не рисковать без необходимости.

– Я знаю, где ее сын.

– Где? Не тяни! – у Менеса сжались кулаки.

– У Сета.

– Где?!

– У бога Сета. Незер отправилась в Верхний Египет, чтобы на правом берегу попасть во дворец Сета. Два дня назад из Шедета вышел караван...

– Ты лжешь! – поморщился Менес. – Всем известно, что город Сета – Нубт, а он на левом берегу.

– Нет... У Сета не один город, на правом берегу в горах у него зеленая земля и роскошный дворец, а Нубт... это только скромный походный стан.

– Но легче доплыть по реке, чем идти караваном через пустыню, откуда люди бегут к нам.

Жрец довольно рассмеялся, смех был неприятным, у Менеса просто руки чесались стиснуть его горло, чтобы захлебнулся этим смехом.

– Открою еще одну тайну Незер, так и быть... Она не умеет плавать и страшно боится воды. Потому отправилась с караваном вокруг.

Менес все же схватил паука за шею, тот захрипел, задергался, понимая, что каждый миг может стать последним.

– Я не лгу, не лгу! Я сам помог ей устроиться в караван и договорился о помощи в пути. На это и пошло ее золото.

Менес уже отпустил жреца, но тот на всякий случай продолжил:

– Она дойдет до Джаути, а там ее встретят и провезут до дворца Сета...

– Замолчи.

– Хорошо, как скажешь. Но если ты захочешь ее догнать, то поспеши. Незер будет в Дандаре через три луны. По реке можно успеть туда.

– Нет, не хочу! – отрезал Менес.

Глядя вслед скульптору, Сетмет довольно улыбнулся:

– Этот глупец не спросил главного.

Стоило Менесу удалиться, как из тени соседней комнаты к Сетмету выступил человек, которого отличал угрюмый взгляд, отменно выбритая голова и сильные руки. Обычное схенти, минимум украшений с красными камнями... Это был его помощник Хетт.

Не глядя на вошедшего, Сетмет проронил:

– Если он не пойдет, то пойдешь ты и сделаешь все, чтобы она не дошла.

– Убить?

Похоже, поручение не слишком угнетало спрашивавшего, Хетт явно привык к таким заданиям.

– Нет, но осложнишь путь настолько, чтобы не выдержала, остановилась, повернула обратно...

– Зачем тебе это?

Глаза из-под густых седых бровей сверкнули в ответ, словно уголья в пепле костра, если на них вдруг дунуть.

– Иди и не задавай глупых вопросов!

Вот теперь Хетт смутился, он попытался отвлечь жреца от предыдущего вопроса несколько неловким следующим:

– А если она не повернет и не передумает?

– Сделаешь так, чтобы опоздала. Я надеялся, что всего этого не понадобится, и ее схватит стража, как только скульптор обнаружит пропажу. Но он отдал почти все свое золото, только чтобы узнать правду о своей красавице. Жаль, все так хорошо начиналось... Украла анх – и Гору плохо, и ее могли наказать, но эти два слизняк бросились помогать.

Хетт подумал, что Менес и особенно молодой Нармер мало похожи на слизняков, но предпочел промолчать, и без того сегодня позволил лишнее. Сетмет не терпит вопросов и никогда не объясняет своих поступков или заданий. А дело Хетта – выполнять.

И зачем девчонка Сетмету? А если мешает, то удавить, и все. Но если сказано – осторожно, он так и сделает.

– Я все понял и выполняю.

– Иди.

Глядя вслед своему мяснику, Сетмет поморщился:

– Я бы и сам убил ее с удовольствием. Мне не нужны соперницы, власть не любит дележа, даже неравного.

Но за поручение Сетмет был спокоен, Хетт опытный убийца, он сумеет ослабить подпругу у верблюда, подбросить скорпиона... да мало ли что! Жрец никогда не интересовался тем, как Хетт убьет, условие одно – все должно выглядеть естественно. Пока получалось, убийца прекрасно знал, что если не справится, то умрет сам, причем мучительно, а потому предпочитал убивать других.

Сетмет редко отдавал приказ так обтекаемо, но сейчас не рискнул говорить прямо. Испугался скульптора? С чего бы – удивился Хетт, но это не его дело, он поспешил выполнять. Хетт не поверил, что девчонку нужно всего лишь задержать в пути, а потому решил утопить ее при переправе через Хапи. Не так сложно утопить ту, которая страшно боится воды. А крокодилов в Хапи немало и возле Дардана тоже...

Сетмет ненавидел всех женщин вообще, но особенно тех, кто мог иметь хоть какую-то власть над мужчинами. Женщины обладали тысячью одним недостатком, среди которых глупость или неверность были не самыми страшными. Они лживы, болтливы, слабы и спесивы! Женщины легкомысленны, себялюбивы, расчетливы и ленивы!..

Жрец мог перечислять качества женщин, за которые их следовало немедленно, нет, не предать казни, но запереть под замок, не выпуская на улицу, укутать в много слоев ткани и держать в комнатах без света, зажигая светильники только тогда, когда приходил владеющий женщиной мужчина. Только ему женщина может показывать свое тело и лицо, только ее хозяин может делать с ее телом все, что пожелает. О том, что у женщин есть душа и двойник Ка, жрец не желал даже слышать!

Женщине дано тело и лоно, чтобы улаживать мужчину, но эти распутные твари умудрились научиться соблазнять, а потом требовать себе какие-то права! Пользуются мужским желанием и превращают сильных людей в настоящие тряпки, делают их безвольными.

Особенно Сетмет ненавидел Незер. Она была очень соблазнительна, жрец всегда подолгу приходил в себя после беседы с зеленоглазой красоткой, свое желание обладать ею заглушал тем, что в закрытой комнате терзал тела других красавиц. Ненависть к девушке у Сетмета основывалась еще и на невозможности обладать ею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.